

Елена Лапина-Балк

*Тропы
судьбы*

Санкт-Петербург
2011

ББК 84.Р7

Л 21

Лапина-Балк Е. Тропы судьбы / Рассказы и стихи // СПб.: «Издательство Союза писателей Санкт-Петербурга», 2011. – 176 с.

Жизнь и творчество автора являет драму весьма острую: полжизни в России, полжизни – за границей. Судьба разломана пополам, и восстановить целостность и гармонию жизни и души – задача этой книги, включившей в себя воспоминания родственников о блокаде и военном времени, юмористические рассказы и стихи разных форм.

ББК 84.Р7

ISBN 978-5-4311-0003-1

© Елена Лапина-Балк, текст, 2011
© Ольга Маркина, обложка, 2011
© «Издательство Союза писателей Санкт-Петербурга», 2011

Предисловие

Этой книгой «Издательство Союза писателей Санкт-Петербурга» открывает серию «Без границ». В этой серии будут выходить книги авторов, пишущих на русском, но живущих за рубежом.

Творчество их, разнообразное и, главное – особое, давно уже необходимо публиковать в России и хорошо знать. Без этого список современной русской литературы будет неполным.

Жизнь и творчество Елены Лапиной-Балк содержит драму весьма острую: полжизни – в России, полжизни – за границей. Судьба разломана пополам, и восстановить целостность и гармонию своей жизни и души – задача автора этой книги.

Половинки очень разные. Первая – записанные рассказчицей, приезжающей в Россию теперь лишь в гости, воспоминания ее близкой родственницы о ленинградской блокаде. Здесь мы попадаем в реальность, во многом уже знакомую по другим книгам. Но реальность незабываемую, и главное – неисчерпаемую, что подтверждается и рассказами Лапиной-Балк. Новые подробности, неожиданные события тех жутких зим и характеры предстают перед нами словно увиденные впервые, и именно нами, без посредников. Душа автора навсегда погружена в русскую историю, русскую трагедию.

Но особенно интересно русскому читателю то, о чем многие наши соотечественники не знают, но жаж-

дуг узнать: как живут россияне за границей в условиях, столь непохожих на наши, и что там с ними происходит? Юмористические рассказы во второй части книги удовлетворяют этот интерес. Опыт «открывателей запада» уникален, поэтому рассказы эти читаются с неослабевающим интересом. Весьма важна в них не только юмористическая, но и сатирическая направленность. Автор порой весьма насмешливо относится к своей героине, сознание которой – причудливый коктейль русской гламурно-мыльно-сериальной пены, суровых, неумолимых лютеранских устоев, в которые втиснуться русской душе не так просто, и собственных семейных переживаний. Эффект получается яркий, возбуждающий, смешной.

Третью часть книги составляют написанные в разной манере стихи, рисующие переживания русской женщины, которая помимо традиционных лирических тем сталкивается еще с проблемами жизни за рубежом, пытаясь усвоить другие эмоциональные традиции и культуру. Это придает текстам дополнительную остроту, особенный аромат.

Уверен, что русский читатель с интересом ознакомится с этой жизнью и с этой литературой.

Валерий ПОПОВ

*Тропы
судьбы*

рассказы

Лицо голода

Памяти отца

В Ленинград из эвакуации мы вернулись осенью 1945 года. Это было время, когда еще не все сумели получить разрешение на въезд в город, но нам разрешили, потому что мать работала на оборонном предприятии. Как часто последнее время я видел Ленинград во сне: дома со скульптурами, башенки, балконы, парки и скверы, таинственные широкие парадные и маленькие пешеходные мостики... В районе, где мы жили до войны, у мостов были веселые и даже смешные названия: Банный, Прачечный, Поцелуев, Львиный. С каждым связана какая-то интересная история. Никто из нас, ребят, например, не сомневался, что у Кашина моста когда-то и в самом деле ели кашу.

А теперь... Людей почти не видно, и дома кажутся уже не такими высокими, часть из них разрушена, вместо скверов — свалки. Любимые мною мосты заставлены ящиками, коробками... Театральная площадь, где было всегда так много киосков, перегороджена противотанковыми «ежами». А я-то мечтал: вернуться, побегу на Театралку и куплю в киоске, как бывало, вкуснейшее фруктовое мороженое, такого малинового цвета... а

потом побегу в бывшую Филимоновскую булочную, где в витрине лежали круглые буше и длиненькие эклеры в глазури. Вкус этих пирожных за годы эвакуации я подзабыл, а французские названия ни за что. Приятно было щегольнуть перед деревенскими знакомыми: «Скажите, вам буше или эклер пробовать не доводилось?»

И еще бросалось в глаза, что было как-то пустынно.

Все военные годы я провел в Калининской области у деда с бабушкой. Так и звал: дед Алексей и бабушка Дуня, потому что все их так называли. Сказал бы «бабушка», «дедушка», на меня бы подивились. В деревне моих ровесников было мало, в основном малышня пузатая. Хотя пузатой она была от крапивы да лебеды. А мне, десятилетнему ленинградскому мальчику, хотелось иметь товарищей, хоть немного похожих на дворовых друзей с улицы Декабристов. Тогда у меня и в мыслях не было, что уже навсегда потеряно то, чем бессознательно дорожили мы до войны, — беззаботное счастье детства. Я думал, что деревенская пора моя продлится недолго и скоро мы опять встретимся с Васькой и Петькой Родионовыми из пятого подъезда, с Пашкой Ткаченко из пятидесяти третьей квартиры, с Толиком Лапиным, у которого отец служил в кремлевской охране, и, конечно, с Кауфманами...

Каждый из ребят нашего двора имел свою историю, может быть на половину выдуманную, но ведь это не важно, главное — интересную. Вот, например, Васька и Петька хотели стать военными, потому что их дед был командиром Красной армии и дал слово самому Чапаеву, что его внуки Васька и Петька тоже пойдут в командиры. У Пашки родня жила на Украине, а это «ска-

зочный теплый край», и, когда Пашка возвращался оттуда после летних каникул, рассказов было на неделю: как ловили раков, кололи арбузы, сидели в ночном у костра. Толика мы сильно уважали за то, что его отец служил в Кремле у самого товарища Сталина. Правда, взрослые шептались, что он пропал без вести, но мы-то знали, что он выполняет особое секретное задание.

Семья Кауфманов у нас во дворе была самой замечательной. Доктор Самуил Ефимович был нашим «придворным» доктором. Разодрал ли кто коленку или наелся чего-то непотребного – мы прямиком бежали в квартиру № 10. А там тебя и лечили, и утешали, и угощали. Добрейшая тетька Роза поила больного липовым чаем с чудесными маленькими пирожками. Волшебный чай тете Розе приносила их соседка Зоя, она сама составляла его из разных почек, травок, ягодок... Сын Кауфманов Фимка садился за пианино и играл какую-нибудь пьесу. Он был из нас самый взрослый и умный, ему было целых двенадцать лет. Соседи часто говорили, что Фимка – поздний ребенок и поэтому родители с ним особенно возятся. А по-моему, так он был совершенно нормальный и очень добрый. И почему его называют поздним?

Все эти четыре года, проведенные в эвакуации (позже, в пятнадцать лет, когда я начал писать роман «О своем прошлом и будущем», я называл их годами моей ссылки), я вспоминал наши игры во дворе. Помнил громкий голос матери Родионовых:

— Командиры, обе-е-едать!!

Помнил, как тетька Роза спускалась во двор и заставляла Фимку перед обедом обязательно

съесть кусочек черного хлеба с маслом и чесноком.

— Ешь, сыночка, ешь, масонька. Это, чтобы аппетит был хорошим.

— И что ты худенький у меня такой? — приговаривала она.

Нас тетя Роза тоже угощала, хотя наш аппетит всегда был хорошим.

Иногда мы всей дворовой ватагой ходили в цирк. Походы через своих дядей и тетю устраивал Толик. Выходит бывало во двор, улыбается этак хитро и говорит:

— Ну что, скучаем, товарищи красноармейцы?

И вынимает из кармана пачку билетов в цирк, да так много, что мы еще и Танюшу с Олей из соседнего дома приглашали.

Ах, как мы весело и дружно жили!

Теперь, осенью сорок пятого, двор стоял пустым. На меня смотрели скучные окна опустевших квартир. А так хотелось услышать чей-нибудь бодрый окрик:

— Леха-Алексей, гляди веселей!..

Но двор молчал. Где вы, ребята? Когда началась война, многие сразу разъехались кто куда. Пашку еще в начале июня увезли на Украину. Родионовых судьба забросила в Казахстан. Толик, как и я, уехал в деревню к родственникам. А что случилось с Кауфманами?..

Я долго крутил дверной звонок квартиры № 10. Медный звон стоял на всю лестничную клетку, но никто не открывал. Послышалось шарканье ног, отворилась соседняя дверь, и на пороге показалась старая женщина. Лицо ее было покрыто глубокими морщинами, а глаза, хоть и выглядели усталыми, притягивали та-

инственным внутренним светом. Наверняка я ее знал... Но не мог вспомнить, кто она.

— Алешенька, это ты?.. Вернулись... У вас все живы?.. Ой, какой ты уже взрослый!

И тут я вспомнил: это же колдунья Зоя. Конечно, никакой колдуньей она не была, а была, как говорила тетя Роза, травницей, но нам, мальчишкам, интереснее было считать ее именно колдуньей. Какая же она стала старенькая... И как ее называть — бабушка Зоя, тетя Зоя или, как раньше, просто Зоя?

— Зоя, я хотел... — начал я смущенно, — а где Кауфманы?

Услышав мой вопрос, Зоя, как мне показалось, постарела еще больше.

Она приоткрыла дверь шире и пригласила:

— Ты, Алешенька, проходи, чего тут на сквозняке стоять.

Она усадила меня за стол и налила чашку своего знаменитого чая на травках и почках. Сколько раз я вспоминал его в деревне, все просил бабку Дуню сделать мне такой же. Но у нее такого не получалось. Голос Зои звучал приглушенно, словно издалека. Но для меня удивительным образом все, о чем она рассказывала, приближалось и оживало.

— Уже к сентябрю сорок первого, когда настала блокада, двор совсем опустел. Те, кто на работу уже не ходил, сидели по квартирам. Ну, а те, кто работал на оборонных предприятиях или в больницах, уходили засветло и возвращались поздно ночью, если вообще возвращались. Иногда днем я слышала на лестнице детский топот — это Глаша из тридцать восьмой со своими пятилетними двойняшками Сашей-Машей (их все так и

звали «Саш-Маш») шла к себе в библиотеку. Ей не с кем было оставить девочек. Но скоро и Глаша перестала выходить из квартиры. Наш доктор Самуил Ефимович сутками пропадал в больнице. А когда изредка появлялся, чтобы поспать хоть несколько часов, так от усталости, бедный, не мог по лестнице подняться. Тогда, рассказывала мне Роза, Фимочка выбегал его встречать. Помогал добраться до квартиры, раздеться и доводил до дивана. И все почти молча: говорить уже не было сил.

А вот первыми из нашего двора, к кому постучалась смерть, оказались Крыловы. Помнишь Митю, какой это был улыбчивый и добрый мальчик? Ему исполнилось шестнадцать, и его взяли в молодежный отряд ПВО. Они помогали взрослым тушить на крышах зажигательные бомбы. Там Митя и подорвался. Горевали, конечно, все, как по родному. А потом, Алёшенька, было столько смертей, что уже и не плакали: слезы кончились.

Мы пили волшебный Зоин чай, и под ее горестный рассказ я все больше погружался в ледяной ужас первой блокадной зимы.

— В начале ноября умер наш доктор Самуил Ефимович. Ему было всего пятьдесят шесть лет. У него оказалось больное сердце. Тогда вечером я зашла к Розе, принесла настойку шиповника, и она сказала по секрету, что у Фимочки тоже врожденный порок сердца. Посидели, помянули Самуила Ефимовича.

Становилось все голоднее, тяжелее, уже каждый лишний шаг давался с трудом, и виделись мы только в очереди за хлебом на Театральной площади. Роза уже только с Фимочкой могла на улицу выйти. В последнее время совсем ста-

ла плохо ходить. Знаешь, Алешенька, бывало брела я потихоньку до булочной, разглядывая, словно в первый раз, улицы и дома Ленинграда, и думала: какой же он красивый, наш город! И как не хотелось с ним расставаться. Оно и понятно: умирать-то кому хочется? Отвлекаясь от печальных мыслей, останавливалась у памятника Глинке. Его почему-то не стали укрывать и маскировать от бомбежек. Глинка сидел под огромной снежной шапкой и казался сгорбленным, мрачным. Я заставляла себя вспоминать его музыку. Это было одно из моих «лекарств» для выживания, я их придумывала много. Например, арию Сусанина из оперы «Иван Сусанин» «Ты взойдешь, моя заря?». Во мне звучала эта трагическая и героическая мелодия, и ожидание в молчаливой очереди обессиленных людей становилось не таким уж тягостным.

Декабрь стоял очень холодный. В квартирах, где были старые печки, их топили сначала книгами. Потом стали разбирать мебель, паркет. Перед тем как выйти на мороз, мы надевали на себя всю теплую одежду, какая только имелась в доме. Поэтому, встретившись на улице, люди, закутанные до глаз, часто не узнавали друг друга.

Как-то в начале декабря я спускалась по лестнице, цепляясь за перила.

Ослабела, как и все, от голода, стала ко всему безразличной.

Где-то наверху хлопнула дверь. Кто-то, проходя мимо меня, остановился. В голове мелькнуло: это Фима. На нем было Розино пальто, голова замотана ее теплым платком. Фима очень вытянулся. На худом лице выделялся горбатый тонкий нос. Он взглянул на меня пустыми глазами и еле слышно произнес:

— Мама вчера умерла.

Резко отвернувшись, Фимочка побежал вниз по лестнице. Его плечики дрожали, он тихо плакал.

«Горе-то какое, — подумала я, — мальчик ведь совсем один остался».

Слушая Зою, я настолько явно представил все, о чем она рассказывала, что услышал всхлипывание Фимки и слабое причитание Зои на ледяной лестнице, ее голос зазвучал как за кадром. Я будто смотрел фильм и видел все происходящее в подробностях, как будто сам мерз тем декабрьским днем. Мне так же страшно хотелось есть. Я словно стал Фимкой Кауфманом и почувствовал его глубокое одиночество, усталость, растерянность и невыносимую душевную боль — мама умерла. Но я переживал и за Зою, ощущал ее слабость, голодную немощь, тихое сострадание. А она продолжала рассказ.

— Вечером того же дня я долго звонила в дверь Кауфманов, но никто не открывал. Я знала, что Фима дома: из-за двери доносились звуки пианино — Фимочка играл полонез Огинского. Позже кто-то из соседей в хлебной очереди рассказывал, что видел, как Фима тянул через покрытый льдом Львиный мостик тяжелые салазки. Все уже знали, что Розы не стало.

В конце декабря обрушились страшные морозы до сорока пяти градусов, но люди все так же занимали очередь за маленьким кусочком хлеба в сто двадцать пять граммов и стояли часами. Внутри булочной помещалось не больше десяти человек, остальные мерзли на жестоком холоде. Все теперь были на одно лицо — серое, измученное, ничего не выражающее, на нем тускло заго-

рались глаза только тогда, когда приближался прилавок с хлебом. Это было лицо блокады.

В очереди я стояла за Глашей и видела, как она протянула три карточки: одну взрослую и две детские. Получив три прямоугольных кусочка хлеба, два из них она сразу же положила во внутренний карман пальто.

— Это для Саш-Маш, — сказала она.

Держа на ладони третий кусочек хлеба, она вышла из полутемной булочной на улицу. «Надо хоть посмотреть на него». Не могла Глаша есть свою пайку, видя голодных девочек.

Я терпеливо ждала, пока она отдышится. Возвращаться домой вместе, хоть и молча, было как-то теплее, что ли. И тут перед нами возник Фимка. Он смотрел на Глашу, но, казалось, не видел ее. Глаза его были милыми и ласковыми, как в детстве. Я ведь его с рождения хорошо помню. Мальчик будто с кем-то разговаривал... Зоя тяжело вздохнула, а я вдруг будто услышал, с кем разговаривал Фимка, ведь я уже прежде слышал и эти слова, и этот голос.

— Ешь, сыночка, ешь масонька. И что ты у меня худенький такой? — тихо приговаривала Роза.

— Мама... мамочка... какая ты у меня хорошая, самая добрая. И ребята так говорят. Ой, как хлеб хорошо пахнет... — шевелил губами Фимка. Тонкой дрожащей рукой он аккуратно взял хлебный кусочек с Глашиной ладони и странно чуть кивнул головой, будто благодарил. Повернулся и медленно пошел... Потом побежал.

Глаша от удивления и ужаса открыла рот, но смогла проголосить только: «О-ОЙ!»

Немая заледенелая очередь вдруг всколыхнулась.

— Вор! Антихрист! Держи его!..

Несколько изможденных женщин и мужчин отделились от стены и ринулись догонять мальчика. Глаша не могла тронуться с места...

— Это же Фима, Розин Фима, — как могла, крикнула я погоне.

— Да что же это! Фимочка, ведь я же это для девочек... — почему-то начала объяснять Глаша.

Не было труда догнать Фимку даже едва плетущимся людям, да он уже и не бежал, а так... будто плыл...

Зоя прервалась и внимательно на меня взглянула, словно сомневаясь, можно ли мне рассказывать дальше. Видимо, уж больно странно я выглядел. А как мне было выглядеть, если я уже давно с замиранием сердца смотрел то страшное кино и, мучаясь, участвовал в нем?

— Кто-то из преследователей толкнул Фимку в спину, и он легко упал лицом в чистый снег. Сил бить его ни у кого не было, люди вдавливали и вдавливали мальчика в мягкий белый морозный пух ногами и тихо приговаривали:

— Вор... у кого решил украсть...

— И не совестно ведь...

— Убежать вздумал... От нас не убежишь...

Я почувствовал, как Фимке сначала сильно стиснуло грудь, а потом он ощутил прикосновение теплых рук матери. Она обнимала сына и нашептывала:

— Ну, вот мы и опять вместе, масонька мой.

И ему стало очень легко, тепло, есть совсем не хотелось и сделалось радостно...

Как сквозь стену я услышал Зоин голос.

— Подбежали мы с Глашей и, расталкивая всех, кинулись к Фимке. Глаша уговаривала людей:

— Ну что вы, нельзя же так, он же совсем еще мальчик, наш Фимочка...

Толпа отступила. Я перевернула Фиму на спину, стерла с лица снег...

Голубые глаза его были широко раскрыты и неподвижны. В них застыла детская радость. А хлеб лежал рядом, он к нему и не прикоснулся. Может, не успел. Я отдала Глаше этот кусочек, смотрю, она еле на ногах стоит и все приговаривает:

— Как же так, он совсем еще мальчик...

Чайная ложечка со звоном упала на пол. Я полез под стол и долго искал ее там, размазывая рукавом слезы... А потом, так и не вылезая из-под стола, спросил:

— Зоя, а кто его хоронил, ведь у них никого не осталось?

— Так, Алёшенька, тогда ведь не хоронили. Завернули мы с Глашей Фимочку нашего в простыню, положили на саночки да потащили к месту, где всех умерших оставляли. Скользко было — жуть, чуть сами по дороге не умерли, хотя, кажется, и недалеко тут — за Львиным мостиком. А когда машина этих несчастных забирала и куда, никто и не знал. И мы ждать не стали — не могли. Вот и не знаем, на какое кладбище увезли. Наверное, где-то в братской могиле... А ты, милый, чайку-то ещё попей. Ложечку я тебе другую дам, — и протянула мне под стол руку.

Мы молча пили чай. Я опустил голову: не хотел, чтобы Зоя увидела меня заплаканного. Потом она поставила на патефон пластинку. Раздались звуки печальной и мужественной мелодии.

— Это полонез Огинского, — пояснила она. — Фимочка любил играть на пианино. Помнишь?

Эпизод

Со времен войны прошло более шестидесяти лет. Мой юношеский роман остался недописанным. Это тогда я был уверен, что стану писателем, а сделался инженером, о чем ничуть не жалею. О друзьях детства почти ничего не знаю, хотя тогда, после войны, я пытался разузнать о них. Братья Родионовы остались в Казахстане. Пашка Ткаченко, говорили, погиб на Украине. Толик Лапин вернулся, и мы с ним еще долго дружили. Помню, он много лет еще волновался, слыша звонок межгорода: думал, отыскался отец — все надеялся. Он стал врачом. Кто бы из нас тогда в это поверил? Толик — да врачом. Но вот не стало и Толика. Теперь уж встречаться не с кем. Да и мой век на закате. Многое забыл. И только Зоин рассказ, ее голос, увиденный мною тогда оледенелый, убиваемый голодом город не забудутся до конца. Она завещала мне пластинку. Иногда я ставлю ее на диск, слушаю и вижу терпеливую очередь за хлебом, падающего в снег Фимку, продолговатый сверток на саночках, который тянут две женщины через горбатый мостик, и маленький хлебный ломтик ценою в жизнь.

Уля

На самом деле её все звали Шурой, Шурочкой. А я, как рассказывала мама, тогда не могла выговорить таких сложных «ш» и «р» и звала тётю просто — Уля. Потом, когда уже выговаривала, всё равно называла Улей.

Наша Уля всегда была красавицей: и тогда, до войны, как вспоминала свою сестру мама, и всё то время, как я её помню сама. Такая голубоглазая, с пышной копной золотых волос, и на лице ни одной морщинки, голос мягкий и очень молодой. А ещё она была чудной рассказчицей.

Я уже тогда жила в Финляндии. Если навещала в Петербург, то обязательно звонила Уле. Та подробно расспрашивала о жизни в Финляндии, а потом неожиданно начинала вспоминать... Так я попадала на спектакль по телефону: Уля в голосах рассказывала какую-нибудь историю — случай из жизни. Иногда истории рассказывались не в хронологическом порядке или были далеки от исторической достоверности, но именно так помнила их Уля.

Я записывала эти рассказы, и получился небольшой дневник моих встреч с воспоминаниями Ули.

Март 1991 года

*...говоришь, ещё холодно у вас там в
Финляндии... но это разве холод...*

Из телефонного разговора

Детское прощай

...Начало 1942 года, Ленинград весь оледенелый, мёртвый. Из родных остались в живых только мы с твоей мамой. Зина-то тогда была ещё маленькой, ей было семь лет, и я на правах старшей сестры должна была всё решать за нас двоих.

Измученные голодом, холодом и какой-то болью безысходности, умерли брат Толя, бабенька, наша мама. Так и не было вызова от отца, который ещё до войны уехал в Магадан руководить строительством завода...

Без раздумий решила: поедем через Ладугу на Большую Землю вместе с эвакуирующимся педагогическим институтом, в котором я училась на третьем курсе. На сборы дали три дня.

В большой чемодан положили все тёплые вещи. Во внутренний карман пальто я спрятала все документы и мамины украшения. Чемодан мы и поднять не могли, какое уж тут нести до вокзала. С помощью оставшихся в доме соседей взгромоздили его на санки и пошли пешком на Финляндский вокзал. Я тащу санки с чемоданом, а Зина сзади еле идёт, заплетаясь в валенках большего размера, а рукавичками всё глаза трёт — плачет. Помню, рукавички ей бабенька связала на день рождения, красные и тоже большие такие, на вырост, видно, вязала. Шли медленно, оттого и долго. С улицы Римского-Корсакова до Финляндского вокзала путь дальний. В очеред-

ной раз обернулась, а Зины нет... только сугробы, серые и чёрные...

Вглядываюсь, а на одном сугробе два красных пятна. Подбегаю, смотрю, а это Зина сидит на корточках, сгорбившись.

Сама слёзы глотаю, и говорю ей:

— Зиночка, ты что это, опоздаем же.

А Зиночка:

— Ножки не хотят идти, я-то очень хочу, а они всё не хотят...

— А кто у нас актрисой хочет быть? Актрисы должны быть выносливыми, терпеливыми... Пошли, Зиночка...

Она поднялась и пошла, медленно, но пошла.

Дошли до вокзала. Пока я бегала, выясняя, в каком вагоне нам ехать, чемодан у нас украли...

Да сама виновата, на ребёнка обессиленного оставила...

Так мы и остались без всего.

...доехали до станции «Ладога», темно, холодно...

Стали садиться в открытые грузовики. Военные помогали, дети ведь были обессиленные, ко всему безразличные, во взрослые одежды укутанные...

Проинструктировали, что, если ЧТО (то есть, бомбёжка или лёд вдруг не выдержит) – надо выпрыгивать из грузовика, потому-то и открытый грузовик, чтобы легче спастись было.

...ехали медленно...

Зина на холоде всё время засыпала, приходилось будить. А тут крики – сквозь всю эту давящую немоту и темноту!

Машины замигали фарами, а наша будто скорость прибавила. Все за борт высунулись...

А там...

По правую сторону... огромная рваная черная прорубь кричит детскими голосами... а мы продолжаем ехать, ведь если остановимся, то и мы под лёд уйдём...

Смотрю, а там, в проруби (до сих пор, когда вспоминаю — разум мутнеет) в этой черной пасти — детская красная рукавичка...

Я к себе Зину прижимаю и кричу — не помню уже, что и кричала...

Она ли отдала своё тепло, своё прощальное, детское или кто-то другой, не знаю... Но у Зины осталась только одна рукавица.

Потом уже многие годы ко мне приходил ужасный сон: черная пасть, заглатывающая кричащую красную рукавичку...

Сентябрь 1994 года

... да всё бы ничего, но лекарства подорожали в аптеках. Вот, говорят, надо есть чеснок и лук, а я же лук не могу есть, хоть и вернул нас этот лук к жизни... неужели не рассказывала?

Из телефонного разговора

Горькое счастье

Ну я же рассказывала тебе про «Дорогу Жизни» через Ладогу?

Мы доехали до Большой Земли!

Всем сразу выдали похлёбку какую-то и по краюхе хлеба, она тогда казалась нам такой огромной. А дальше кто куда. Мы отправились к родственникам в Калининскую область.

С грехом пополам добрались до деревни Гончарка, так она тогда называлась.

Посмотрела на нас тётя Маня, еле стоящих на ногах, голодных, не похожих на деревенских, и приказала срочно в баню. А потом, к нашему удивлению, закрыла в пустом амбаре. Через полчаса принесла немного каши теплой и опять на замок.

Кашу одним глотком съели, а есть ещё больше захотелось! Стали в амбаре углы осматривать — ничегошеньки!

И вдруг мешок с репчатым луком!

Представляешь?

Сдирали кожуру и ели как яблоки!!!

Плакали и смеялись от радости, что остались в живых.

Я тогда Зине и говорю: «Знаешь, мы с тобой счастливые, и теперь всё у нас будет хорошо!»

А Зина морщится, вздыхает и шепчет: «Горькое какое-то счастье...»

Лето 1996 года

...спасибо, спасибо, чувствую себя..., ну как может себя чувствовать пожилой человек? Знаешь, вот сплю очень тревожно, всё сны какие-то, сны... но я верю в сны...

Из телефонного разговора

Сон на двоих

Помню, это было летом сорок второго...

В Гончарке мы стали обживать, приходиться в себя.

У тётки Мани было пятеро детей, хлеба для всех не хватало, а тут, на наше счастье, меня

через сельсовет определили в соседнюю деревню Лбово учительницей младших классов, а Зину взяла к себе в семью Настя — молодая женщина, вдова, муж погиб в самом начале войны. У неё была двухлетняя девочка. Так вот семилетняя Зина и стала няней для маленькой Веры и помощницей Насти по дому. Там же Зина и жила.

Лбово было за восемь километров от Гончарки — каждый день не находишься. Вот и поселили меня там у одинокой женщины. С Зиной виделась только по выходным. То я к ней приходила из Лбова, то она ко мне из Гончарки. Шли лесом: быстрее было. Предупреждали, в лесу дезертиры, а мы всё равно через лес: сучали друг по дружке страшно!

В школе объявили каникулы, и мы решили, что Зина придёт ко мне и неделю у меня поживет.

Смешная она была в детстве: всё танцевала или пела разными голосами, одно слово, артистка.

Я её стала понемногу к школе готовить.

Не прошло и недели, Зина заболела. Заболела дифтеритом — температура под сорок, задыхается...

Больница была в Поповке, в соседней деревне, ехать до неё семь километров. Зина в бреду, везти нужно на телеге, обежала несколько домов, везти некому... Говорят: «Поезжай сама, Шура, Зину поможем перенести, и лошадь мы тебе запрежем».

А я-то, городская, с лошастью справиться не могу. Только об этом подумала, вижу: Зиночка в жару и без памяти. В ту же секунду взялась за вожжи.

Поехали...

Мне сказали: дорога сама приведет в Поповку. Начало темнеть, лошадь вдруг остановилась перед ручьем. Соскочила я с телеги, смотрю в ручей — совсем не глубокий... и другой берег так близко, и огоньки горящих окон чуть ли ни кричат: «Скорее, скорее...»

Переедем, думаю, ерунда.

На середине ручья лошадь распряглась. Зина укутанная на телеге без сознания, я от бессилия реву. Выпрыгнула из телеги и бегом в деревню за помощью. Зину быстро доставили в больничный барак — там ещё семеро детишек и тоже с дифтерией.

Доктор сказал, чтобы завтра не приезжала: — Ни к чему это, ты же учительница, должна понимать: болезнь-то заразная.

Той же дорогой я и уехала.

Следующий день места себе не находила: как там Зиночка? А ночью она мне приснилась.

Стоит на каком-то зелёном-зелёном берегу, ручки ко мне тянет и кричит кому-то: «Нет, не могу с вами, я с Шурой, с Шурочкой хочу...» Проснулась в холодном поту, еле утра дождалась и напрямиком в Поповку!

Врач как-то странно посмотрел и говорит: «В рубашке, ей-богу, в рубашке сестричка твоя родилась! Будет жить!». А я бабенку нашу сразу вспомнила. Она плачущей над ней Зиночке, умирая, сказала: «Я за тебя, деточка, и на небесах буду молиться...»

Вошла я в барак, а там только Зина... оказывается, другие дети прошлой ночью умерли...

Зиночка пыталась улыбаться, радовалась, что я пришла.

Хрипло начала говорить:

— Шурочка, а знаешь, я во сне всех наших видела — бабенку, Толю и маму, они меня звали, говорили, что у них там хорошо, а я... я сказала, что с тобой хочу быть, вот и не пошла к ним... Ведь тебе было бы без меня скучно, правда? А от папы вызов не пришёл?

Вот так мы с Зиной увидели один и тот же сон.

Зина поправилась быстро. Осенью она начала учиться, но только приезжала в школу ко мне два раза в неделю.

Вызов на Колыму от отца пришёл только весной сорок третьего...

Декабрь 1997 года

...вот ты мне скажи, а Париж, он такой же таинственный и красивый, как о нем пишут? Помнишь, я тебе маленькой читала «Собор Парижской Богоматери» и ты почему-то часто потом сравнивала Нотр Дам с нашим Никольским собором? Помнишь, как мы гуляли в парке при Никольском соборе... помнишь?

... нет, в Париж не хочу — хочу на Колыму. Странно звучит, а тогда для нас с Зиной...

Из телефонного разговора

Хотим на Колыму

Наш отец — твой дедушка Иван Иванович Крылов — был начальником, ну, как бы сейчас сказали, по экспорту на заводе «Красный треугольник». Дома он бывал редко, всё время разъезжал по командировкам. Случались и счастливые дни: он был с нами дома, вот радости-то было!

Ходили все вместе – я, маленькая Зина и средний брат Толя – на балет в Мариинку. Мама – твоя бабушка Ирина Арсеньевна – с нами не ходила, они с бабенькой (так мы называли нашу бабушку) готовили обед или сустились по хозяйству. В Мариинке наши места были в ложе, с отцом все почтительно здоровались, а мы светились от гордости.

Гуляли по городу, и нам непременно покупали мороженое. Ах, какое мороженое тогда было – вафельки именные с крем-брюле! Отец покупал сначала мороженое с вафелькой «Зина» – она же самая маленькая у нас была. Потом и всем остальным. Толька, конечно, по-детски возмущался, что первой ей, изображал рассерженного, вопил: «Зика, дай мне первому лизнуть!» Он был мальчик хулиганистый, но очень добрый.

Когда ходили в Исаакиевский собор, наша Зика просила у отца рассказать случаи про Бога, как она говорила... Толька угрожал: «Вот все отвернутся, а я возьму и прыгну на маятник, вот уж покатаюсь!!!»*

Очень часто ходили в цирк. Отец приносил билеты для детей и бабеньки на утренние представления, а сам с мамой ходил на вечерний показ.

Однажды, когда отец с мамой возвращались вечером из цирка, за ними увязалась маленькая собачка. Так у нас появился ещё один член семьи. Назвали её Жучкой. Толька сразу же определил

* В Ленинграде в 1931 году в Исаакиевском соборе в присутствии семи тысяч зрителей впервые качнули маятник Фуко, наглядно подтверждающий вращение Земли. Маятник снят в 1992 году как не соответствующий назначению здания.

её к себе в комнату и заявил, что воспитанием Жучки будет заниматься сам. На удивление всем Жучка уже умела ходить на задних лапках и приносить домашние тапочки.

Сразу же сочинили легенду, что Жучка — собака известного американского дрессировщика, он с ней плохо обращался и совсем не давал конфет, вот она и сбежала к нам. И если по правде, зовут её Джулия**, но это большой секрет.

Толька вообще очень любил животных. Както из деревни родственники прислали живого петуха. Петух был огромнейшего размера с очень ярким оперением. Сначала мы все за ним гонялись по квартире, он голосил во всю мочь и пытался клюнуть каждого, кто к нему приближался. Потом мама сказала, что его нельзя так гонять, потому как он похудеет и на праздник, задуманный на воскресенье, ничего не останется. Как услышал Толька, сейчас же запер петуха в своей комнате и никого туда не пускал. Воскресный праздничный обед состоялся — без петуха и без Тольки. Позже петуха из комнаты, конечно же, выманили и отправили на бульон.

Три дня Толька ни с кем не разговаривал, собирал цветные пёрышки по всей квартире, ворчал, что напишет письмо министру охраны животных и он приедет из Москвы и всех выпорет...

Был тридцать девятый год. Отец уехал в командировку в Сталинград на две недели.

** В начале войны наша Жучка выбежала из дома и попала под машину.

Там он и получил телеграмму от своей знакомой Матильды Цейтлин, работающей в парткоме завода:

«Иван Иванович, вы в списке... не возвращайтесь, делайте что-нибудь!..»

Прямо из Сталинграда отец выехал в Москву и подал прошение о переводе на строительные объекты в Магадан. В Магадане его сразу же определили начальником в какой-то строительный главк. Домой, в Ленинград, он заехал всего на три дня. В эти дни нам всем было приказано сидеть дома. Я в институт не пошла, а младших даже гулять не выпустили. Конечно, отец уговаривал маму подготовиться и переехать с детьми и бабенькой к нему в Магадан, когда он устроится, но мама не хотела оставлять меня одну: я только поступила в институт. Кто же знал, что переезд всей семьи в Магадан мог сохранить нам жизнь.

Первые шесть месяцев после отъезда отца жили очень экономно – на деньги, скопленные «на черный день», и на бабушкины, которые она собирала на похороны. Потом пришла зарплата отца, да такая огромная, что мы почувствовали себя богатеями. Мама оплатила моё обучение в институте на год вперёд – тогда ведь оно было платное. Стали покупать фрукты. Тольке купили новые ботинки, а Зике – новое платье.

Всей семьёй, затаив дыхание, перечитывали письма отца. Он писал, какой Колыма – чудный край – сказочная природа, замечательные люди, да и вообще нам обязательно надо туда перебраться... А мы... не то чтобы очень влюбились в колымский край, мы просто скучали по отцу. Окажись отец в Америке, мы бы и в неё влюбились.

Только без отца совсем отбился от рук. Стал прогуливать занятия, говорил, что поедет к отцу на Колыму и там пойдет в новую школу, где его не будут обзывать рыжим, что, кстати, неправда, ведь он блондин! Нет, он, как и все, утром готовил портфель, чистил ботинки, но до школы не доходил — катался с извозчиками, причем бесплатно, а потом шёл с ними в баню. Выяснилось это случайно: Зика залезла к нему в портфель и обнаружила там мочалку и кусок хозяйственного мыла — шуму-то было!!!

В сороковом году отец приехал домой в отпуск на всё лето. В Мариенбурге сняли дачу и там отдыхали всей семьей. Время пролетело быстро, но запомнилось нам с Зиной на всю жизнь. Это было последнее лето нашей большой дружной семьи.

Июнь 1941 года

Начало войны застало отца во Владивостоке, он ехал в отпуск, к нам в Ленинград. На вокзале вручили телеграмму: срочно вернуться в Магадан. Позже он писал, что начал оформлять для нас вызов и что нам нужно готовиться к отъезду.

В октябре мы узнали, что такое голод...

Наша бабенка умерла первой: упала на улице, сломала руку, домой еле дошла и после этого уже не поднялась. Зина была её любимицей, днями просиживала у её кровати и плакала — не умела ещё скрывать слёзы.

Брат Толя был в молодёжном отряде ПВО. Однажды после обстрела его принесли домой полуживым: он тушил на крыше снаряды, и один взорвался. Ему обожгло руки, он ничего не слышал, лежал с открытыми глазами и не

реагировал на наши вопросы и ахи. Мы не знали, что нам делать: лишь смотрел в окно, где уже огромными хлопьями падал снег. Зиночка гладила его рыжую голову, обожженные руки. Шептала, плакала: «Толенька, вставай, мне так скучно без тебя...» Как-то вечером, видимо, стало лучше, он заговорил:

– Зика, ну ты что это сырость развела. Не плачь, я обязательно поправлюсь, вот увидишь, завтра, прямо завтра и поправлюсь. Я вот что придумал, я санки наши починю, и мы с тобой к папе на Колыму поедem. Я уже и маршрут продумал, фрицы точно не догонят...

Зика прыгала вокруг него и восторженно кричала:

– Я скоро с Толенькой уезжаю на Колыму!!!

На следующий день он умер...

А в начале декабря (мы с Зиной были дома) в дверь постучала соседка, она плакала и, задыхаясь, пыталась что-то сказать. С трудом мы поняли, что наша мама раненая лежит у Калининского моста, её задело осколком при обстреле и что Шурочке надо спешить забрать её оттуда. Я взяла санки, побежала сразу.

Привезла маму, соседка помогла поднять её в квартиру. Мама стонала и была в забытьи. Когда она приходила в себя, шептала только одно: «Шура, только Зиночку нашу не бросай... уезжайте отсюда, уезжайте». Мама умерла через три дня.

И мы остались совсем одни.

Февраль 1998 года

...всего на три дня? А на чем приехала? На поезде? Ну да, из Хельсинки-то в Петербург часов семь ехать?

Знаешь, а я ведь поезда терпеть не могу, ещё с тех военных лет...

Из телефонного разговора

Долгая дорога

От отца пришёл вызов на Колыму только весной сорок третьего...

А выехали мы лишь в конце лета, даже не помню почему.

Вся деревня Лбово собирала нас в путь: несли в основном еду: сухари, яйца, сало, сушёные яблоки. И знаешь, все плакали... не хотели нас отпускать, а может, просто боялись за нас.

Особенно плакала Настя, умоляла, чтобы я оставила Зину ей, говорила, что удочерит её, зная, что у нас все умерли — так она её полюбила, да и маленькая Верочка к Зине привыкла. А я даже подумать об этом не могла — мамина мольба — «Шура, только Зиночку не бросай...» — навсегда осталась в памяти.

Доехали до Москвы, пересели на поезд, идущий во Владивосток и...

Знаешь, так давно это было, не помню, сколько ехали... Пассажиры менялись, за окнами дни были серыми... Война.

Ели очень экономно, Зину занимала уроками, не зря же я учительницей была...

Это была самая долгая дорога в моей жизни.

Стали поговаривать, что скоро Владивосток: ещё два дня потерпеть надо – и доберёмся. А ночью поезд остановился на каком-то полустанке, вошли пятеро военных и стали проверять у всех документы. По вагону пробежал шёпот, мол, ищут шпионов...

Дошла очередь и до нас. Главный долго смотрел на наше приглашение от отца, потом показывал другим, потом заявил, что полоса на документе должна быть красной, а не зелёной, и вообще, может, документы поддельные. Приказали освободить места, высаживаться из поезда и ждать подтверждения – на станции есть контрольный пост. Кто-то в вагоне попробовал возмутиться: куда, мол, девчонок в ночь выставляете (Зина в свои девять лет шестилетней выглядела: маленькая и худущая), они же ленинградки, пропадут ведь на полустанке...

Не помогло.

Нас высадили, а наши места сразу же кто-то занял...

Поезд тихо тронулся с места, ни гудков, ни стука колёс... Или нам так казалось?

Стоим, вокруг темень, трудно что-либо различить. Пригляделась – вдалеке что-то светится. Зина на звезды смотрит, считает вслух, сколько их, благо, считать умеет. А я в каком-то онемении: делать-то что?!

Потом Зина спрашивает:

– А мы что, действительно шпионы?

– Глупости, скорее – бедные родственницы...

Значит, так: ты тут стой, а я быстро сбегаю, посмотрю, что там, может, это и есть тот самый контрольный пост,— говорю Зине.

Она опять голову задирает и продолжает считать: «Одиннадцать, двенадцать...»

Запахавшись, врываюсь в маленький деревянный домик, там сидят четверо мужчин в военной форме. Чуть ли не плачу и говорю: «Меня с маленькой сестрой ссадили с поезда, полоса не того цвета на документах у нас, а мы к отцу едем, он у нас большой начальник...»

Уж не помню, что я там им ещё голосила, только один, седой такой, прерывает меня:

– А сестра-то где?

– Как где, да там с вещами стоит!

Вдруг все подсочили и из избы выбежали, один у дверей только и успел крикнуть:

– Вот бабы – дуры, тут же зона вокруг, беглых до чёрта, да и других... Думать же надо, ребёнка одного оставила...

Я тоже выбежала, а бежать не могу – ноги подкосились.

Скоро появились все четверо с вещами, хоть и не много их у нас было, Зина на руках у того, кто на меня ругнулся, и с умным видом рассказывает ему про Большую Медведицу.

– Ну, девчонки, с вами не соскучишься, давайте ваши документы.

Посмотрели, повертели, стали звонить во Владивосток. Там, видимо, связались с Магаданом, с «Дальстроем». Приказали ждать.

Под утро я сквозь сон услышала звонок, проснулась. Зина рядом на скамеечке спит.

– Сайкин слушает, да, здесь сёстры Крыловы, так точно. ...Слушаюсь, Иван Иванович, постараемся на первый же проходящий посадить. Недоразумение, извините...

Первый утренний поезд вёз лётчиков, стоять должен был десять минут.

Мы с вещами были наготове. Стояли уже час, поджидая поезд. Как только поезд остановился, я с

Сайкиным ринулась искать начальника состава. Нашли его около первого вагона. Сайкин глотал слова: «Так, мол, и так, сёстры из блокадного Ленинграда едут к отцу — завстройтрестом в Магадане, девчонок по ошибке ссадили... Возьмите...»

— Так точно, — отвечает голубоглазый богатырь — начальник состава в лётной форме, махнул кому-то вперед, мол, посадите в вагон, а мне подает руку. Другие молодцы подхватывают вещи — и я уже в вагоне. И...

Поезд трогается. Я кричу: «Зину, Зиночку-то забыли... Нет, я без неё не поеду!!!»

— Вас ведь Александрой зовут, да? — спокойно спрашивает начальник состава. — Ваша сестра тоже в вагоне, я же дал указания, так что пойдите, Александра, её искать.

Я бегу, за мной начальник состава. Скоро нас останавливают и сообщают, что там, в пятом вагоне, девочка Зина, которую только что посадили в поезд, ревет, говорит, сестру потеряла...

— Ну, слава богу, — улыбается мне голубоглазый начальник состава, — нашли вашу Зину!

Зина реветь перестала сразу, как только я появилась в проходе, обиженно кусала губы.

— Шура, ты почему меня там оставила? Я думала всё, теперь... с тобой никогда не увижусь... Да и с Сайкиным не успела попрощаться, вкусная у него фамилия, и вообще он хороший, — ворчала Зина.

В ответ я её только обняла.

Нам освободили нижнюю полку. Там мы и расположились. За два дня я перезнакомилась почти со всем составом. Молодые, симпатичные и такие славные лётчики приходили к нам из других вагонов. Зине несли американский шоколад

из своих пайков, мне тушенку и брикеты американского хлеба. Мы пили очень чёрный чай, лётчики играли на гитаре, пели русские романсы.

Я тогда решила: замуж выйду только за лётчика.

Прибыли во Владивосток, ждать поезда в порт Находка пришлось всего часа два.

Опять поезд. Как же я ненавидела эти поезда!

На этот раз мы ехали в купе. Соседями оказались молодая женщина Вера, сын её Игорь — того же возраста, что и Зина. Они были из Москвы. Вера ехала к мужу, который, как позже выяснилось, работал в одной системе с отцом. Мы все сразу же подружились, причем на долгие годы.

Февраль 1998 года

...ну как, всех подружек навестила, есть они у тебя ещё в Петербурге, ведь уж более двадцати лет в Финляндии-то живешь? А обидчиков своих смогла простить? Надо, девочка моя, простить.

... вот и хорошо, а то ведь правильно говорят, друзья в беде познаются, да и не только друзья — люди...

Вечером того же дня.
Из телефонного разговора

Порт Находка

Прибыли в порт Находка. Всех разместили в общежитии. Мы с Верой попросили, чтобы нас четверых поселили вместе. Всего в большой комнате оказалось десять человек.

На две кровати полагалась одна тумбочка — этого было вполне достаточно: вещей почти никаких, только продукты. Кухня была общая на весь этаж.

Нам отец выслал деньги, зная, что пароход придётся ждать около месяца, и мы стали покупать еду. В тумбочке лежали наши запасы: яйца, деревенское сало, сухари, Зина бережно хранила подарки лётчиков и только иногда позволяла себе и Игорьку лизнуть американский шоколад.

У каждого живущего в нашей большой комнате была своя горькая история. Помню Софью Михайловну: она была вся седая и всегда очень грустная, мы не знали, сколько ей лет. Была она в Ленинграде учительницей математики, муж и дети погибли в начале войны, и ехала она в Сеймчан к брату. Софья Михайловна всем штопала носки, девочкам заплетала косички, а Зине и Игорю предлагала порешать задачки. Она никуда не выходила, и мы никогда не видели, чтобы она что-то ела.

Была осень, сказочная, яркая и тёплая. Дети все дни проводили на улице, ведь всё было ново: место, природа, люди. Как-то дети принесли сетку яблок, кто-то подарил. Как сейчас помню, это был какой-то удивительный сорт — у нас такого в Ленинграде я не пробовала. Ярко красные и очень большие, не говоря уже о том, что медово-сладкие. Конечно же, яблоки ели все вместе — всей комнатой. Софья Михайловна жадно глотала, не разжевывая, она явно была голодна. Говорили, что денег ей брат не высылает и она считает каждую копейку.

Однажды из нашей тумбочки пропали яйца. Моя подруга Вера сказала, что этого так не оставит, и вечером, когда все были в сборе, объявила,

что у нас появился вор: у Шуры с Зиной кто-то стащил из тумбочки яйца! Все стали возмущаться, как же так, не может быть...

А Софья Михайловна вдруг заплакала, а потом тихо сказала: «Извините, это я, просто не выдержала, голод разум помутил... простите меня...»

Зина вдруг бросилась к нашей тумбочке, достала своё сокровище — американскую плитку шоколада, — отломилась половину и протянула Софье Михайловне. Остальные тоже заскрипели тумбочками, стали доставать сухари, кусочки сахара, сушёную чернику... Всё это молча выкладывали Софье Михайловне на кровать. А она тихо плакала и ела, ела...

Я села рядом с ней, обняла и сказала, что не сержусь.

На следующий же день я попросила, чтобы Софья Михайловна занялась с детьми математикой, другие принесли что-то подшить, пришить и заштопать. Её тумбочка стала пополняться едой. Она стала выходить на улицу.

После этого случая я не могла найти себе покоя. Как же так, пережив трудную зиму блокады, пройдя столько лишений, смерти близких, болезни Зины, я не услышала боль живущей рядом, такой доброй ко всем Софьи Михайловны?

Математику Зина не любила, а вот Игорёк мог заниматься с Софьей Михайловной день и ночь.

Как-то после занятий все отправились в магазин за молоком. Далее рассказывала Софья Михайловна:

«Зина была в своем репертуаре, шла, пританцовывая и размахивая бидоном. А тут собака, да ещё и огромная такая. Она бросилась к Зиночке, весело залаяла, видимо, решила, что с нею играют. Зина испугалась собачьего лая, ну,

естественно, стала отмахиваться бидоном. Итог был в прямом смысле плачевным. Собака впилась Зине в голень. Все кричали — Зина от боли, мы с Игорёшей от ужаса: вокруг кровь, и лающая собака с окровавленной мордой...»

Софья Михайловна приказала Игорю быстро бежать домой рассказать о случившемся. Ну, а сама, сделав Зине тугую повязку, потащила её в больницу. Хорошо, что больница была на соседней улице. Зине сразу же сделали укол от бешенства, а потом долго зашивали рану: пёс умудрился основательно покалечить ногу.

Из больницы забрали Зину я и Софья Михайловна. Как хорошо, что она оказалась рядом. Так у нашей Зины появился ещё один ангел-хранитель.

Весь вечер говорили о случившемся. Игорёк с умным видом шутил: «Зиночка, в этом есть свой плюс: ты уже никогда не будешь бешеной, тебе же укол сделали!»

Май 2000 года

... а у вас весна теплее? Уже всё в цвету? Ну, тогда точно такая же, как и у нас!

... а почему японский сад? А, ну да, ты же всегда у нас экзотику любила — экибана, феншуй, мейхуа...

А вот послушай...

Из телефонного разговора

Страсти по-японски

Четыре недели жили на мысе Находка, а потом сообщили, что на следующей неделе из порта отходит пароход в Магадан. Ну, наконец-то, скоро едем!

Вещей ни у кого не было, значит, и собираться было легко!

Софья Михайловна принесла из библиотеки карту и показала нам всем маршрут путешествия.

Порт Находка — Японское море — Пролив Лаперуза — Охотское море — Магадан (2590 км.)

Игорь с Зиной пытались даже вычислить, сколько путешествие займет времени. Это Софья Михайловна такую задачку придумала, но задачку мы решать поленились.

В назначенный день все отправились в порт. Там стоял огромный белый пароход.

Стали проверять документы: паспорта, приглашения, разрешения на въезд в Магадан, билеты на пароход. И тут говорят: «Пароход переполнен. Вас, возможно, не возьмут на борт».

Как?.. Что? — никто не может объяснить. Говорят только: «Ждите!»

Вера с Игорем в слезах поднимаются по трапу на борт. Софья Михайловна уже наверху. Да и все наши на борту. Кто же мог предположить, что так случится и мы опять окажемся «бедными родственниками»?

Посадку закончили, и металлические трапы убрали.

Полчаса томления. Мы, не отрывая взгляда, смотрим наверх, пытаемся рассмотреть, что же там, на борту. Подумала тогда: не вынесу, если пароход уйдёт без нас...

И вдруг Вера сверху кричит: «Шура! Зина! У нас в каюте два места есть!!!» Тут же Игорёк рядом с Верой возник: «Зиночка! Давай скорее сюда, это я, я устроил!»

У меня слёзы глаза заволокли, всё расплывается, слышу только, как вороны в порту кричат, будто и они обрадовались такому известию.

Подошел к нам офицер в морской форме, говорит: «Всё в порядке. Зачем боялись? Счастливого плавания!»

Тут матросы вещи наши подхватили, подвели к верёвочной лестнице.

— Поднимайтесь, — говорят.

— Так я же в юбке, как же я могу?..

— Какая к чёрту юбка! Скажите спасибо, что место нашли,— говорит матрос.

Я Зину первой пропустила, она руками схватилась, ножки болтаются: маленькая же ещё. Поднялась немного, вниз не смотрит — голова, видимо, кружится, плачет, кричит...

Ой, чего уж тут рассказывать, еле докарабкались...

Каюта была на четверых. Софья Михайловна сразу к нам прибежала, Зину стала обнимать...

А мы были усталые от переживаний, молчали, даже есть не могли.

К вечеру того же дня мы с Верой уже покоряли сердца офицерского и матросского состава. Мы были молодые, несмотря на наши жизненные истории. Вере было двадцать семь, а мне двадцать два. Она красивая кареглазая брюнетка, я голубоглазая блондинка с двумя толстенными косами. О стройности и не говорю: все женщины, и молодые, и пожилые, были тогда стройными. Нас даже приглашали ознакомиться с капитанским мостиком! Мы были нарасхват. А сколько предложений руки и сердца было получено!

Софья Михайловна взяла шефство над Зиной и Игорьком и занимала их своими уроками. Какая же она была чудная учительница! Мне, окончившей три курса педагогического, это было понятно: дети даже не догадывались, что это были

уроки. Она с ними просто беседовала, рассказывала истории из прошлого Японии, Дальнего Востока. О ком она никогда не говорила, так это о Сталине...

Весёлые и шумные, мы врывались с Верой в каюту. Зина сразу же становилась серьёзной, морщила нос и заявляла: «Вам бы только веселиться, а в стране война, кругом Японское море, полное агрессоров — империалистических японцев — и мин...» Мы переглядывались с Верой и хихикали. Да, уроки Софьи Михайловны не проходили даром.

Игорёк был очень спокойным мальчиком, а Зина всё бурчала. Думаю, в её маленькой жизни уже столько произошло страшного и горького, что она разучилась быть весёлой. Она панически боялась оставаться одна. Вера ей как-то в шутку сказала: «Зиночка, ты свекровь что ли? Всё нотации нам читаешь». После этого мы её все так и называли: «А что свекровушка скажет? Как наша свекровка решит?»

* * *

... море как море — «Японское, одним словом». Знаешь, это была какая-то эйфория: мы будто находились в нейтральной жизни, где не было прошлого, а будущее обещало только мир и счастье....

... не помню, почти ничего не помню — помню только, кружились вихрем по белому пароходу, мы были очень красивыми!

Из телефонного разговора:

В громкоговоритель объявили, что пароход входит в японские воды. Всем приказали зайти в каюты и даже не высовываться. В любой мо-

мент может подойти японский военный корабль и начать досмотр.

Нас с Верой об этом уже раньше предупреждали офицеры-поклонники. Говорили, заберут в плен целый пароход, если что-то подозрительное заметят. А особенно, без объяснений, забирают красивых девушек.

Так и случилось. При входе в пролив Лаперуза наш пароход был-таки остановлен. Японцы тщательно досматривали судно, заходили в каждую каюту. Зашли и к нам — в каюте двое испуганных ребятишек и две бабки кулемы (это мы с Верой платки завязали старушечьи и черники поели, чтобы зубы чёрными стали). Один плохо по-русски что-то пытается сказать: «Некласивый какой луский зенсин, такой не хосю...» Потом стал чихать и громко сморкаться. Мы же сидели, как застывшие перед опасностью кролики.

Наконец-то хлопнула дверь каюты, японцы пошли дальше.

Игорёша сердито: «Тоже мне красавцы нашлись империалистические, сморкаются, как в трактире...»

Зина тут же встряла (как же без неё): «А когда чихал, рот платком не прикрывал», — и пальчиком погрозила.

Мы с Верой скинули платки и сразу начали приводить себя в порядок.

Осматривали долго. Потом японский корабль провел пароход через минные заграждения, опять долго стояли, и наконец-то мы вошли в Охотское море.

Через час пароход ожил.

К нам в каюту перебралась Софья Михайловна. Рассказала, что их тоже досматривали. Мы с Верой удивлялись, почему так долго дос-

матривали, а Софья Михайловна: «Знаете, сколько там, в трюме, этих бедных несчастных?..» Мы, конечно, понимали, о чём говорила Софья Михайловна, но не хотели на этом заострять внимание детей.

Знали и то, что наш маршрут полностью совпадал с маршрутом заключённых, отправляемых на Дальний Восток: поездами до Владивостока, оттуда до Находки, где их перегружают на пароходы, и морем – на Магадан, в колымские лагеря.

Разница была только в том, что мы ехали в сказочный край Колыму, а они...

Вскоре началась качка. Мы с Верой бегали по палубе как ошалелые, сидели в кают-компании с офицерами, улыбались матросам. Вот что значит молодость. Нам дали, как сейчас помню, трёхлитровую банку кислой капусты, чтобы легче переносить качку. Отнесли мы эту банку в каюту к нашим. Детям действительно было очень плохо, Софья Михайловна держалась молодцом.

Шторм был в восемь баллов – мы то лежали на полке, то стояли на стене. И тогда Софья Михайловна сказала, что надо молиться. Все пятеро мы стали повторять молитву: «Отче наше, иже еси на небеси...» Зиночка добавляла: «Ну очень тебя прошу, Боженька... я никогда больше шалить и ворчать не буду... и будет воля твоя... ну пожалуйста, нас же папа ждёт...»

И Бог нас услышал!

Шторм закончился, и уже до самого Магадана был штиль...

Молодые матросики и офицеры постоянно приносили в нашу каюту то яблоки, то жаренные котлеты, то солёные огурцы, то... записоч-

ки с признаниями. Есть мы уже не могли, но Зина хранила обещание и не ворчала.

Прибыли в порт. И вдруг заметили, что здесь зима. Начались приготовления к высадке пассажиров. Все вышли на палубу, ну и мы протискиваемся: интересно же, кто там внизу, кто пришёл встречать!

А на пристани ни души... Потом рассмотрели одинокую фигуру. К пароходу приближался мужчина.

На этот раз спускаться нам позволили по металлическому трапу. Предупредили: не расходитесь и ждите, пока последний пассажир покинет пароход. Стоим, ждем.

Зина толкает в бок и спрашивает:

— Шура, а посмотри, кто это? — и на мужчину показывает, который приближается к пароходу.

— Не знаю, наверно, начальник какой-то.

Разглядываю: длинное кожаное пальто, высокие белые фетровые бурки, большая меховая шапка.

— Шура, это папа?

— Не болтай! — а сама начинаю всматриваться. — Зиинаа! Это же папаа!!!

И мы бросились к папе.

Мы не виделись три года. Зина была какдохлый цыплёнок, я — повзрослевшая до неузнаваемости, а отец не изменился. Спокойный, уравновешенный и какой-то очень уютный.

Обнимались. Зина, как обычно, щебетала, я обнимала обоих. А потом все вместе заплакали: мама, Толя и бабушка не дожили.

Пассажиры парохода собрались на пристани, нам разрешили перейти в зал ожидания. А зал был уже переполнен встречающими. Нас с Зи-

ной отец провел к машине, и мы поехали в гостиницу, которая находилась в десяти минутах езды.

Мы уже были в гостиничном номере и прыгали на кроватях от радости и свалившегося на нас счастья: такая долгожданная встреча с отцом и чувство защищенности... И вдруг здания затряслись от взрыва. Мы выглянули из окна и поняли, в порту что-то случилось!

Из соседнего номера пришёл отец, бледный, руки трясутся. Медленно стал говорить, что вот... только что... позвонили...

— Сообщили... нет-нет... все живы, все успели сойти с парохода... Уму не постижимо, это судьба... мины, говорят, были ко дну прикреплены, взорвались с запозданием... Они хотели взорвать мирный пароход с людьми... Какое зверство...

Он сидел, раскачиваясь, обхватив голову.

Зазвонил телефон, отец взял трубку. Он долго говорил о чем-то непонятном. Стал куда-то собираться, достал из кармана деньги, положил на стол.

— Обедайте в гостинице, сходите – ну... там... в кино... Я на работу, буду поздно.

Мы сидели со слезами на глазах, онемевшие... Я пришла в себя первой, говорю Зине:

– Ты помнишь, что тебе всегда бабенька говорила: Бог любит троицу. Вот и считай: на пароход не хотели брать, японцы остановили, а теперь ещё и пароход взорвали... Всё, кончились наши мучения.

А Зина мне:

– Да, я думала, они уже раньше...кончились... Это бабенька нас оберегает, помнишь, она обещала?

– Зи-зи, куда пойдём?

– Пошли гулять и в кино.

Январь 2001 года

... спасибо, дорогая моя, очень хорошо встречала Новый год, балуешь ты меня, зачем шампанское-то заграничное... ну, конечно, вкусное, французское же!

... кофточка подошла, спасибо. А ты надолго?... по бутикам погулять... а что здесь лучше?... ааа... дешевле! Ну, радуй себя, это хорошо, радовать себя...

Из телефонного разговора

Бедные родственницы

На третий день пребывания отец объявил, что у него выходной и сегодня идём на барахолку: надо купить нам платья.

Это была радость и для меня, и для Зины. Я успела уже всё выносить, а Зина из всего выросла, мы действительно выглядели «бедными родственниками».

Тогда барахолка для нас была как теперь бутики. На Магадан высылали американские подарки, так что шли, как по Бродвею. Отец сказал, чтобы выбрали себе платья, задумался: «Да выбирайте, что хотите!»

Тут же на нас налетели торговки и стали предлагать, уговаривать, торговаться. А мы от счастья небывалого и выбрать ничего не можем. Все проблемы разрешил отец: Шуре берём вот это драповое пальто, юбку и шерстяную кофту: она же учительница, ей надо строго выглядеть!

Зи-зи купили тёплую стеганую куртку, большеватую (где ж на ребёнка подобрать нужного размера?) Куртка ей была как пальто, рукавички только подвернуть. Выбрали и платье, такое славное — в крупную шотландскую клет-

ку, с белым воротником. Приложили — ах, красота!

Я говорю Зине, не подумав: «Только бант не вздумай прицепить!»

Зина как заплачет...Видимо, вспомнила...

Тогда, в тридцать девятом, когда отец выслал с Колымы первую зарплату, мама купила много подарков. Зине — красивое платье. Нам редко покупали готовую одежду, мама очень хорошо шила, а тут готовое платье необыкновенной красоты. Зина с детства была кокеткой, крутилась перед зеркалом и, когда никого из взрослых не было дома, примеряла сшитые мамой на заказ платья. Потом она заявляла, что, как ей казалось, там-то и там-то не хватало защипа, или складки, или бантика! Все только смеялись.

Как-то вечером, когда все были дома, начали демонстрировать обновки. Дошла очередь и до Зины — на «подиум» вышла наша красавица в новом платье. Платье было действительно чудное, на груди под белым воротником красовался огромный бант из маминого белого шарфа. Все захлопали. Мама одобрительно закивала и только спросила:

— Шарф-то как умудрилась прицепить?

С гордым видом Зина раскрыла свой секрет:

— Очень просто, я вырезала на груди две дырочки и продёрнула туда шарфик!

Платье, конечно же, было испорчено, Зина ревела... Это было последние платье, купленное мамой.

С барахолки мы возвращались уже не «бедными родственницами», а американками!

В Магадане мы жили неделю. Отец каждое утро уходил рано на работу, а мы с Зиной гуля-

ли, ходили в кино, обедали в гостинице. Ну и ждали, когда же отправимся в посёлок Сеймчан.

Март 2002 года

... вы там у себя женский праздник 8 марта справляете? ... нет, а что же так? Ах, да, у вас же в Финляндии, как и во всей Европе, празднуют день матери...

... О, в Сеймчане-то все праздники справляли, это был всегда хороший повод собраться...

Из телефонного разговора

8 марта в Сеймчане

К 8 марта готовились задолго. Все классы репетировали праздничный концерт. Зина была главной актрисой: она и пела, и танцевала, и читала стихи. Да все дети хотели обязательно участвовать в поздравлениях. Школа в Сеймчане была одна, поэтому мы опять стали с Софьей Михайловной неразлучными друзьями и коллегами. Она преподавала математику в старших классах, а я была классной руководительницей в начальных.

Наша семья жила в маленьком домике, где было две комнаты, большая кухня и величиной с комнатку подсобное помещение. Мы с Зиной спали в маленькой, ну, а обитали все в большой, там был и диванчик отца. А ещё у нас был кот Васька. Отец рассказывал, что Васька как-то сам пришёл и остался!

Мы с Зиной подумывали сделать подарок Софье Михайловне. У неё никого не осталось из близких, она ведь приехала к брату, который работал в Сеймчане по договору, но побыть с ним

она успела всего полгода. Он заболел воспалением лёгких, вылечить не смогли — умер. Итак, мы решили испечь для Софьи Михайловны пирог. К нам присоединились Зинина подружка Галя Никишанова — как её называла Зина, подруга на века — и Игорёк (он оказался с Зиной в одном классе). А где Игорёк, там и Вера.

Договорились, кто что принесет: Галя принесла грибы. Её семья уже давно жила в Сеймчане: отец ещё до войны завербовался на Колыму, он был инженером по строительству. Семья у них была большая — четверо детей. Осенью ходили в лес, собирали грибы и ягоды, делали запасы.

Вера принесла яйца и капусту, ну а мы с Зиной — муку, масло...

Ой, весело было! Кроме Веры, никто ничего печь не умел: не успели научиться. Поэтому шеф-пекарем была она.

Зине поручили месить тесто. Галя шинковала грибы, мы с Верой готовили капусту, Игорёк пробовал — не пересоли ли... Потом бегали каждые десять минут к печи, не дай бог подгорит.

В общем, получился отменный пирог, а запах то какой стоял! Положили в коробку, прикрыли крышкой и в подсобную комнату вынесли. Решили: завтра после концерта вручим Софье Михайловне.

На концерт в школьный зал собрались все сельчане, слушали со слезами радости и благодарности. Я за занавесом стояла, смотрела в зал: одни белые платочки...

Зина была очень красивая в своем чудесном платье, уложенные корзиночкой две черные косы. Она вышла на сцену и стала читать: «Жди меня, и я вернусь, только очень жди...»

Читала она хорошо, пыталась изобразить печаль, прикладывая платочек к глазам. Это она, видимо, подражала сидящим в зале. На репетициях такого не было. Зал рукоплескал!

Игорьку поручили в перерыве сбежать к нам домой и принести пирог.

После концерта мы подходим к Софье Михайловне, вручаем ей коробку, по очереди обнимаем.

— Это мы сами пекли!!!— в один голос выкрикивают Зина и Игорёк.

Софья Михайловна открывает коробку и... Половина пирога съедена, а края странно ободраны.

Все переглядываются, Игорёк кричит: «Это не я, чес-слово!»

Мудрая Софья Михайловна (ах, какая же она была славная, даже в лице не изменилась!):

— Так это ваш кот Васька своё поздравление оставил!

Ну что мы могли поделать? Васька действительно постарался... Смеялись, конечно же...

Ноябрь 2002 года

...спасибо тебе, дорогая, за чулочки стягивающие, ноги стали так болеть, порой и у плиты не могу долго стоять, а уж убираться в квартире и совсем трудно стало...

А ты-то сама как? Тебе по дому-то кто помогает? А в саду? ...ну да, ну конечно... а вот послушай... Про Сеймчан-то я тебе уже рассказывала? Нет? Да ты и сама, наверное, слышала, читала же Солженицына?

Из телефонного разговора

Ибрагим – божий человек

В посёлке Нижний Сеймчан во времена ГУ-ЛАГа располагался административный центр

Юзлага, в ведении которого находились рудники по добыче золота и олова. Там были мужские и женские лагеря. Теперь понимаешь, что нас окружало?

Свыше дали указание показать школьникам, как живут заключенные. Мы, несколько классов и учителя, отправились в лагерь. Вела нас в женский лагерь Нина Николаевна – пожилая учительница, работавшая в нашей школе. Она отсидела десять лет по пятьдесят восьмой статье, но никогда не говорила о своей жизни в лагере.

Отец меня предупредил, что там можно увидеть и знакомые лица (я же помнила многих друзей – коллег отца по Ленинграду, которые не оказались вне списков...) Шурочка, ты не переживай, я как могу всем помогаю...

Я там никого из знакомых не увидела, может, просто была ошарашена таким бытом, скопищем народа, живущего в замкнутом пространстве барака. Изможденных там не было, были усталые, с леденящими взглядами, сломленные люди...

Позже по школе ходили слухи, что там когда-то сидела стрелявшая в Ленина Каплан, которую вовсе даже и не расстреляли... Нина Николаевна молчала: она пыталась вычеркнуть из своей жизни абсолютно всё связанное с лагерем.

Вскоре отец завёл разговор, что это не дело быть Зине совсем одной после школы, когда все на работе, что она ленится разогревать еду, уроки отодвигает на вечер. Отец ведь часто уезжал на несколько дней в Магадан или в якутские сёла. И если вспомнить, что расстояние от Сеймчана до Магадана измерялось десятью часами езды на грузовике, то понимаешь, что отсутствовал он

иногда неделями. Я работала в две смены: школа-то маленькая, всех не могла вместить днем.

Отец предложил взять помощника, тем более, у него было право брать на три недели кого-нибудь из заключенных. У нас в доме появился Ибрагим.

— Это Ибрагим, девочки, он о-о-очень хороший,— он выделил букву «О».— Ибрагим всё умеет делать и будет вас всему учить, а вы должны его во всём по хозяйству слушаться. Зина, ты особенно.

Зина вытянула кокетливо губки и сделала кникс.

— А уроки он поможет делать?

— Зи-зи, я же сказал: по хозяйству. Всё, дорогие, я уезжаю к якутам...

Конечно, это было плохо, что отца не увидим неделю, но как мы радовались его возвращению! Отец всегда привозил от якутов чудные подарки из меха — рукавички, меховые шапочки, сумочки. А куски молочных льдинок!..

Я уже не помню, откуда родом был Ибрагим. Мы и тогда не знали, за что он попал в лагерь, но помню и сейчас: он был очень славный. Ему было за пятьдесят, был он необразован, с уроками Зине помочь не мог, но хозяин был замечательный. В его руках всё преображалось: Зина была накормлена, её платья были тщательно выглажены, в школу готовился бутерброд. А ещё он был отличным портным и сапожником. С Ибрагимом наша Зиночка стала модницей!

Он ждал её из школы. Обед был готов, и стол накрыт. Зина важно села за стол (актриса же) и говорила Ибрагиму с важным видом: «Сэр, извольте и вы отобедать со мною...»

«Сэр» она произносила с английским акцентом, поэтому получалось «Сёёор». Наверное, в театральном кружке этому выучилась. Ибрагим не отвечал, только суетился на кухне.

«Сёёор, всё было великолепно!» — репетировала на Ибрагиме Зина.

«Сёёор, а что на ужин?» — и так весь вечер.

Я тоже неслась домой поесть вкуснейшие пшеничные лепёшки Ибрагима, переодеться и вновь бежать, но уже на танцы в клуб, ведь в Нижнем Сеймчане стояла лётная база, и молодые лётчики буквально прописались в клубе.

Неделя пролетела. Всё-таки Ибрагим очень скрасил дни нашего ожидания. Папа привез из командировки мясо оленины — подарок от якутов, — попросил Ибрагима приготовить. Позвали в гости всю нашу весёлую компашку: Галю, Софью Михайловну, Игорька и Веру.

Сидим все за столом, я раскладываю гостям приготовленный деликатес, Ибрагим сидит рядом с Зиной и с закрытыми глазами вдыхает стоящий аромат своего мастерства.

— Ну как, Ибрагим, тебе у нас? Девчонки не обижают? — спрашивает отец.

И вдруг:

— Иван Иванович, миленький, отпустите, шибко не могу больше терпеть, — буквально молит Ибрагим.

Все замерли над тарелками, а Зина открыла от удивления и обиды рот.

— Зина хорошая, но шибко обзывается, не красиво это молодой барышне так, всё «сёр да сёр», ну я же разве плохой шибко такой? отпусти, Иван Иванович, лучше уж в барак...

И тут мы все грохнули от смеха!

Папа только улыбнулся, положил руку на плечо Ибрагиму, говорит:

— Ибрагим, ты ошибся, не расслышал, есть такое английское слово «сэр» — это уважительное обращение к мужчине. Зина хотела показать, как уважает тебя.

— Так она со мной, Ибрагимом, по-ангельски говорила? — засмутился Ибрагим. — Не-е-е, я что, я её тоже о-о-очень... Я остаюсь.

Дни потекли своим чередом, с Ибрагимом и его странностями. Правда, Зине было приказано не выпендриваться и вести себя с пониманием.

Относились мы к Ибрагиму как к члену семьи, ну и он отвечал тем же.

— Ибрагим, так в школу не хочется идти, сегодня контрольная, — жалобно тянула Зина.

— Подожди, Зина, сейчас на фасоли раскину, — Ибрагим гадал на фасоли, — иди, вот смотри, всё хорошо складывается, иди, напишешь ты свой контроль!

И ведь всегда правильно угадывал. Я в их с Зиной секреты не вмешивалась, хоть и была учительницей. Прежде всего я была сестрой!

Гадал он и мне, на моих женихов. Ах, сколько сваталось!

Через три недели Ибрагиму надо было возвращаться в барак. Зина заявила, что никого в доме, кроме него, она не хочет и будет себя примерно вести все три недели, ожидая Ибрагима. И только Ибрагима, он же святой! Так Зина оценивала его способности предсказывать результаты контрольных. Да и вообще...

Март 2003 года

*... всё так же, девочка моя, пока не лучше...
... давай завтра с утра поговорим, с утра сил
больше...*

Из телефонного разговора

Уля заболела, она неохотно говорила по телефону, просила перезвонить. Диагноз подтвердился — рак. Ей прописали дорогие лекарства и сказали, что в таком возрасте болезнь быстро не развивается, если вообще развивается...

Она перестала помнить, что было вчера, но всё ещё помнила, что случилось когда-то...

31 декабря 2004 года

*... как хорошо, что позвонила, я совсем поправи-
лась, чувствую хорошо, только какие-то
шумы слышу по ночам...*

*... спасибо, спасибо, и тебе в Новом году всего наи-
лучшего и женихов побольше, ах да..... замужем
уже... ну поклонников...*

*А давай я тебе про Колю моего расскажу...
Ты про Лендлиз что-нибудь слышала?*

Из телефонного разговора

Мой любимый – летчик

В годы войны была такая система (Лендлиз) – передача Америкой взаймы, ну, или в аренду военной техники странам-союзникам. Вот северным воздушным путём из Аляски в Сибирь и перегоняли американские боевые самолёты. Выполняла это специальная авиадивизия ВВС. Брали туда исключительно асов.

Из Фэрбенкса через Берингов пролив самолёты перегонялись в Уэлен, ну, а дальше в Сеймчан.

Я познакомилась с Колей в клубе на танцах. Это был 1944 год. Ах, какой он был обаятельный, в лётной форме, говорил по-английски и так легко танцевал! Он мне рассказал, что английский выучил в Америке, проходя реабилитацию после ранения. Что сам он из Минска, а сестра живет в Ленинграде, а завтра...

Я сразу в него влюбилась, даже не знаю почему. За мной уже ухаживал Костя Лыков — сын командира дивизии ВВС, они тоже были ленинградцы. Наши отцы дружили. Нет, конечно, Костя тоже был замечательным: удивительно умный, интеллигентный высокий брюнет, умеющий ухаживать, говорящий ещё и по-французски, но... Просто Коля оказался настойчивее. Знаешь, они ведь даже дрались из-за меня, хоть и были друзьями.

Ну так вот, после вечера нашего знакомства Коля пропал, и никто не говорил, где он. Лётчики в клубе вообще не распространялись о коллегах, видно, запрещено было. Наперебой приглашали меня на свидания. Зина с Галей, бегавшие тайком в клуб и подсматривавшие за нами с балкона, утверждали, что они всё знают, потому что всё видят. Так они выдвинули свою версию: он, наверное, полетел с американцами брать в плен Гитлера! «Вот увидишь, Шурочка, скоро твой Коля вернётся с орденом героя!»

Появился Коля через три недели, вечером, и прямо перед нашей дверью. Сияющих орденов на груди не заметила, а вот огромная красивая коробка у него была.

— Шура, Шурчик, я так скучал, я так хотел к тебе прилететь...

Коробку в сторону и обниматься... Нет, мы тогда ещё не целовались, что ты, мы же до этого только и успели один вечер потанцевать.

Потом открыл коробку, а в ней две. Открываем ту, что побольше — ах! Платье, американское, коричневое, с белым кружевным жабо и лакированная сумочка!!!

Я от счастья заплакала, мне ещё никто и никогда таких подарков не делал...

Коля продолжал:

— Теперь прошу на сцену мисс Зи-зи,— и открывает маленькую коробочку, а там вязаная шерстяная шапочка, да такая симпатичная, цветная вся, как вот сейчас у вас там, в Финляндии, носят. Зина тоже бросилась обнимать Колю...

— Зинукин, носи и не мёрзни,— радостно говорит Коля.

Знаешь, у него всегда были какие-то свои имена для всех. Вот тебя он называл Ленукин, помнишь?!

И тут появляется Ибрагим.

— Сэр Коля, шибко мы вас ждали, глядели из окна долго, сейчас, сэр Коля, шибко рады, извольте чаю испить!

Мы с Зиной чуть не прыснули от смеха, но постарались сдержаться. Зинины выкрутасы явно приносили свои плоды.

Потом все сидели за столом и пили чай. Зина весь вечер так и просидела в шапочке и обожающими глазами смотрела на Колю. Ну как же, лётчик, в Америку летал, говорит по-английски. Правда, уже позже Зина у меня как-то спро-

сила: «А почему Коля по-английски говорит только два слова «ол райт»?» А действительно, почему? А может, он и не знал английского?

Вот так всё и началось.

Между его полётами мы всё время проводили вместе. Гуляли, ходили в клуб на танцы, на спектакли театрального кружка, где Зина главные роли играла. Пришли однажды на спектакль, Зина в роли молодой художницы, так в программе написано. И вдруг на сцену выходит Зина, а на ней моё американское платье, которое Коля подарил, да ещё и подол подшит косо, видно, сама чудила. Еле до конца спектакля досидела, злость разбирала: как же она посмела? А Коля говорит: «Шурчик, успокойся, это потому что платье такое красивое, вот ей и захотелось его со сцены показать. Не ругай её». Я остыла, потом только пальцем погрозила и сказала, чтобы больше НИКОГДА!!!

Когда отец понял, что у нас с Колей всё серьёзно, начал выяснять, кто он и что. И вдруг оказалось, что Коля кому-то платит алименты. Отец пригласил Колю на разговор, я уже позже об этом узнала.

Вот такая житейская история:

«Александр Макаров был моим другом, когда он погиб, меня послали в Воронеж к его жене с известием о его гибели. Я там был пять дней, утешал вдову... Ну, вот... Потом уехал...

Через год получаю официальное уведомление: «У вас дочь, платите алименты». Я и плачу. Вещи детские посылаю, там, в Америке, знают, целые пакеты собирают. А Шурочку я очень люблю, если пойдет за меня такого, то поженимся...»

Отец ничего мне не рассказал, сказал только: «Николай – хороший, сердечный парень, на службе им очень довольны». В конце августа 1944 года мы поженились.

А первого мая 1945 года родилась Наташенька... Перед самым Днём Победы...

И прожили мы с Коленькой тридцать пять лет.

Коля был тоже голубоглазым, нас все так и звали — голубоглазая пара!

* * *

Вот и всё... На 1945 годе и закончились записи в моем дневнике, потому что прекратились встречи с воспоминаниями Ули. Её болезнь прогрессировала. Из-за сильных лекарств, которые она вынуждена была принимать, стали повторяться психические приступы...

Быть может, я когда-нибудь возобновлю встречи с воспоминаниями, но уже Зины...

Эпизод

Уля умерла в 2005 году в психиатрической больнице на Пряжке. Петербуржцам не надо говорить, что это за больница, все знают этот «ужасный сумасшедший дом».

После смерти мужа Николая, моего дяди, жила одна, а мы, родственники, её навещали.

Однажды ночью она открыла окно, стала кричать и выбрасывать свои вещи с пятого этажа. Соседи вызвали скорую, её увезли. Моей двоюродной сестре, её дочери, сообщили об этом на следующий день. В палату к Уле пустили только через неделю.

Улю обрили, её трудно было узнать, лицо — одни огромные голубые глаза. Она, похоже, никого не узнавала. Всё время прощалась и говорила, что ей некогда и она ждёт телефонного звонка.

Она сворачивала полотенце в нечто наподобие телефонной трубки, накрывалась простынёй и начинала говорить. Говорила она всегда с одними и теми же воображаемыми мужчинами:

— Коленька, это вы? Коленька Басков... Ну конечно, слушала ваш концерт от начала до конца! Коленька, вы чудо! Да, пожалуйста, если не трудно «Мама Лючия»...

Она аплодировала до самого вечера...

Или, освободившись от простыни:

— Я занята, не беспокойте...

— Да, это я, Владимир Владимирович. Очень рада вас слышать.

Она приподнимала простыню, подносила палец к губам:

— Тссс, это Путин! — вновь закрывалась и продолжала:

— Я чувствую себя неплохо, да. А вам спасибо за пенсию, да, получила, и блокадную надбавку, да.

— Хватит, теперь хватит... нет, больше ничего не надо... Хотя... Очень нужны красные вареники, а то у Зины одна куда-то пропала.

— Завтра? Конечно! Я? Да, свободна! Звоните, буду ждать!

Уля так никого из родных и не вспомнила. Умерла она через восемь месяцев.

*Ах, как это
не смешно...*

ироническая проза

С четверга на пятницу

У мужа любовница. А я узнала об этом только вчера, и то случайно. Компьютер у нас один на двоих. Отсюда и понятно: кто первый к нему успел, тот и завис. Но мы друг другу не мешаем, а уж тем более не рыскаем по чужим файлам. А тут смотрю — на экране папочка с перепиской. Видно, мой склерозник забыл отключить. Ну, мужчинам его возраста это свойственно. Как так, грех родного муженька не проверить, с кем это он виртуально общается?

Надо же, вот так открытие: с монитора на меня нагло смотрела особа восточной внешности. И в том, в чем мы, женщины, безошибочно определяем наглость, мужики почему-то видят тайну и привлекательность. Сказать, что она не красавица, — это не сказать ничего: нос — как у мопса, волосы прямые, черные, словно лакированные сапоги. Смайл просто клавиатурный. Глазищи, правда, большие, бархатные. На взгляд ей немного за тридцать. А так — ни кожи, ни рожи. Я бы сказала, всего в ней по чуть-чуть: ну, чуть экзотики, чуть шоколадности, чуть наивности во взгляде, а всё вместе — вроде как и не настаивает, а манит пальчиком. Я даже имя ей при-

думала — мадам Чуть-Чуть, но ее настоящее имя ей подходило лучше — Туу. Я и сама, конечно, не топ-модель, но по сравнению с этим чудом, обольстительницей из джунглей, выгляжу просто кинозвездой. И где только у мужиков глаза?

Через полчаса я уже знала о виртуальном романе моего мужа всё. Вы спросите: а как же кодовая защита пользователя? Да ерунда это всё! Пользователя защитить может, но не моего мужа. У него обычно все коды записаны на липкой бумажке, которую он прикрепляет тут же сбоку на край экрана.

То неожиданное обстоятельство, что я вдруг стала «семейным хакером», вызывало у меня чувство огромного удовлетворения. Но то, что я «нахакерила», меня не совсем устраивало.

Меня было уже не остановить, мне хотелось знать больше. Я понимала: с сегодняшнего дня мне самой придется играть двойную роль — делать вид, что ничего не произошло и ничего не происходит, улыбаться, быть нежной и ласковой, ну, точь-в-точь как мой муж делает это уже целый год (роман-то уже, оказывается, длился целый год).

Не скажу, что факт его измены меня очень разгневал. Это по молодости я билась в истериках от ревности и жалости к самой себе: меня, такую-растакую, променял.

Когда это стало повторяться с периодичностью в семь лет и каждый раз события развивались и заканчивались по одному и тому же сценарию — я имею в виду сцены скитания и возвращения блудного мужа, — относиться ко всему я стала спокойнее. За двадцать пять лет на-

шей совместной жизни, ох, уж насмотрелась я спектаклей, где в главных ролях были тайландки, эстонки, финки и даже африканки. Вы спросите: и как всё это вытерпеть? Я и сама часто у себя спрашиваю, как всё это можно терпеть. Не знаю. Может, люблю?

Нет, я не белая и не пушистая! Ну да, зануда страшная — домашние тапочки не разрешаю оставлять где попало; тиран — не даю есть по ночам и заставляю надевать костюм, отправляясь в Оперу; скряга — не даю есть икру столовой ложкой; да и мало ли достоинств может быть у женщины...

Но этот случай меня просто удивил: ведь не мальчик, за пятьдесят, а попался, и всё на тот же крючок. Я даже обрадовалась, учуяв нечто очень интересное, что можно будет наблюдать живую, а не в любовных романчиках или мыльных сериалах. Признаться, никакого угрызения совести из-за чтения чужой переписки я не испытывала. Ну, во-первых, переписка не чужая, а моего собственного родного муженька, а потом стыдно должно быть тому, кто такое пишет. Тогда я и не подумала, что становлюсь наблюдателем жизни третьего человека.

Жить стало очень интересно, хотя, не скрою, я испытывала чувство душевного неудобства от того, что меня в очередной раз предал и каждый день предает, пусть даже и виртуально, близкий мне человек. Да, именно каждый день я проверяла электронную почту мужа. И все-таки, как бы я ни хорохорилась, а привыкнуть к таким поворотам, согласитесь, просто невозможно.

«...Моя любовь! Я уже всё для себя решил, я хочу быть всегда рядом с тобой, ну хотя бы по

шесть месяцев в году. Ты — моя последняя любовь, поверь. Вот уже семь лет как меня ничего не радует, даже моя жена: мы чужие люди. Я приеду к тебе. Мы купим большой дом на берегу моря. И мы будем просто любить друг друга. Мы взрослые люди, и мы знаем, чего мы хотим. Я ... — очень. Тоскую по тебе. Тысячу раз целую, твой навсегда Валтер».

«...Привет! Я вся в делах. Мне приходится много работать: я содержу всю семью. Денег все равно не хватает: вчера не смогла купить лекарство для матери. Но мне ничего не надо! Очень опечалена тем, что ты хочешь оставить жену. А может быть, мы пригласим ее жить вместе с нами? Выделим ей комнату в нашем новом доме, где-нибудь ближе к чердаку (я хочу, чтобы наш дом был белым), и она сможет приезжать к нам, когда захочет. Будем жить вторым. Я не хочу лишать тебя радости видеться с женой, ведь ты ее так уважаешь. Я пользуюсь компьютером сына. Компьютер старый, работает плохо, и, возможно, скоро мы не сможем переписываться. На новый комп у нас нет денег. Но мне ничего не надо! Спасибо тебе за внимание — за духи «Dolce&Gabbana», но я эту фирму не люблю, лучше бы деньгами. Ты хочешь, чтобы я к тебе приехала? Хотя бы ненадолго? Мне нужна виза на пять лет — это же не много? Номер моего счета: Береги себя. Туу».

Поначалу я виртуально возненавидела их обоих. Потом стала ненавидеть только Туу: ну надо же, я к ним, видите ли, третьей приеду! Вот уже до чего дошло. А ведь начиналось совсем невинно, как я поняла, читая их переписку. Муж захаживал в Интернет, разыскивая

какой-то дешевый продукт для своего бизнеса. Да, дорого нам это обошлось...

Но за год я не заметила никаких изменений в его поведении. Как это: семь лет его ничего не радует? Я что-то не замечала! Всегда внимательный и высоконравственный. А вот она, эдакая безнравственная вымогательница, соблазняет недотёпу-мужика. Ах, как деликатно и тонко, мол, мне ничего не надо! Фу-ты-ну-ты леди-на-велосипеде — запах «Dolce&Gabbana» ей, видите ли, не нравится. Да я знаю моего джентльмена, уж, наверное, и компьютер оплатил, и на лекарства прислал, и на носовые платки, чтобы не плакали. Сколько уж такого с ним повидала.

Нет, нет, нет — не раскисать, не реагировать, не подавать виду, подсказывал мне двадцатипятилетний опыт совместной жизни.

Мои хакерские способности развивались со скоростью роста моей ненависти к этой женщине. Скоро я обнаружила (влезть в её сеть мне не составляло труда), что на крючке у нашей обольстительницы мой недотёпа не один. Окружающую её компанию любителей острых виртуальных ощущений я стала называть ЕС — Европейское Сообщества, потому что в него входили также шестидесятипятилетний немец, сорокапятителетний ирландец, сорокалетний лапландец и семидесятилетний англичанин. Моя подруга Ева, мудрая пожилая женщина, успокаивала меня тем, что виртуальные романы, оказывается, являются не худшим заболеванием мужчин такого возраста, когда бес в ребро.

Скоро наша Туу заболела, и ей срочно понадобились деньги. Конечно же, ЕС сразу от-

кликнулось. Члены содружества высылали переводы и при этом очень искренне высказывали свою безграничную любовь, заверяя, что всегда будут опорой. Мой, как и всегда впрочем, тоже не поскупился. Скоро Туу поправилась, но намекнула, что у неё вот-вот случится день рождения.

Надо же, — подумала я, — у меня ведь тоже скоро день рождения.

Обычно по воскресеньям мы с мужем гуляем по городу, заходим в кафе или кино, разглядываем витрины.

Вот и это воскресенье почти ничем не отличалось от других. Погуляли в городском парке, посидели в кафе, решили посмотреть на витрины, ведь скоро открытие весеннего сезона. Остановились перед витриной с женским нижним бельем. «Смотри-ка, опять фисташковый цвет в моде, — обратилась я к мужу, — ой, какая прелесть, как хочется». Этот цвет всегда очень хорошо оттенял мою чуть загорелую кожу, да и мужу всегда нравилось дарить мне белье, а тут и день рождения приближается. Я уже знала наверняка, что получу эту «прелесть» в подарок. Так было во всяком случае все наши 25 лет: достаточно только намекнуть и... пожалуйста. Муж, однако, пребывал в какой-то задумчивости, хотя было видно, что он принял к сведению мой восторг.

А потом опять будни вперемежку со страстями ЕС. К этому времени я уже научилась различать в своем муже двух мужчин. Один был мой чудный и милый муж, а другой — вроде как не мой: прохвост, предатель и лгун из ЕС, хотя и очутившийся там, конечно же, не по своей вине. Во всем виновата была только она — змеюка. Ах, как я ее ненавидела!

В пятницу мы были приглашены на свадьбу к друзьям, поэтому в четверг весь вечер я готовила наши праздничные костюмы. Засыпала с мыслью: вот так люди встречаются, влюбляются, женятся, проживут вечность вместе — и вдруг какая-нибудь гадюка из Интернета вылезет и капнет яд в твою счастливую жизнь. Да чтоб ей... О, Господи, прости меня за мысли грешные!..

Мы, причесанные, одетые в свои праздничные костюмы, соответствующие торжеству, с подарками в руках подходим к центральному входу собора. Здесь уже собралось много гостей, все они нам незнакомы. С удивлением замечаю, что я единственная женщина среди них. Мы входим в огромный зал. Мужчины за спиной переговариваются, но странно, что говорят они на разных языках. Насколько я могу различить, это немецкий, английский и, похоже, финский...

Зал пуст, только посередине стоит белый лакированный гроб с открытой крышкой. Нескончаемая процессия скорбно и торжественно направляется к гробу. Раздается мелодичное пиликанье мобильного телефона, и я узнаю в этих звуках «Regtime» из кинофильма «Афёра» с Робертом Ретфордом, но на звонок никто не отвечает. Да это и не звонок, это музыка, открывающая церемонию. Мужчины постепенно обступают гроб. Пожилые мужи — кто с палочкой, кто с трясущимися руками, кто с огромнейшей, на всю голову, лысиной, а один даже в кресле-каталке. Мне не сразу удастся рассмотреть усопшего: мешают мужские спины. Заметив в своих рядах даму, мужчины расступают-

ся, пропуская меня вперед. Одновременно к гробу протискивается и священник. Утопая в белых лепестках орхидей, в гробу, как на царственном ложе, возлежит Туу. На ее смуглом теле лишь дамское белье. Представляете, «моё».

Я стараюсь пробраться поближе к священнику.

— Батюшка, а что это усопшая-то в таком виде? Непристойно ведь как-то, — шепчу я.

— Не судите, не судимы будете, — скороговоркой распевает батюшка, а потом, чуть наклонившись ко мне, шепчет:

— Традиция у них там, за морями, такая — хоронят в одежде по профессиональной принадлежности. А она, знамо, была... — батюшка как-то ехидно подмигивает мне и продолжает отпевание:

— И прости ей прегреше-е-ения, и спаси ее душу грешну-у-у-ю...

Тут я заметила нечто повергнувшее меня в ужас.

— Господи, что же за зверство-то такое, где же кисти рук усопшей?

— И повелел Господь: не укради-и у ближнего своего-о и не возжелай мужа чуж-о-ого, ибо что сочетал Господь, того человек не разлучит... — и вновь прервал молитву, наклонившись, зашелестел:

— Традиция у них там за морями такая — руки за воровство обрубают. А у этой-то и рук не хватит, ишь скольких мужей-то прибрала... — он обвел взглядом полный народу зал и продолжил молитву:

— И прости ей прегреше-е-ения, и спаси ее душу грешну-у-у-ю...

Отпевание продолжалось, я же принялась разглядывать гостей. Степенные мужи не выглядели опечаленными. И меня вдруг осенило: это же члены ЕС, большие любители виртуальных ощущений. Ай да штучка эта Туу, ведь и умереть спокойно не могла, толпу поклонников собрала, да еще и вырядилась в мое фисташковое белье.

— Аллилуйя, аллилу-у-йя, аллилу-у-йя-я-я, — заканчивал отпевание батюшка. — А теперь, дети мои, попросаемся с нашей упокоенной Туу и пожелаем ей того пути, который она для себя и выбрала.

Этого не может быть, неужели батюшка тоже... ну, член ЕС?.. Ведь он же произнес «нашей упокоенной». Да нет — почудилось.

Внимание мое привлек один из членов ЕС — высокий, полный, с красным потным лицом, переходящим в лысину. Он первым решился попрощаться. Тяжелой уверенной походкой мужчина направился к гробу. Идти в ритм веселенького «Regtime» он не мог из-за грузности, но вот громко сморкаться и вытирать при этом и нос, и большое лицо, и шею ему удавалось.

Остановившись перед гробом и пробурчав что-то невнятное по-немецки, он стал доставать из огромного пакета подарки. На вопрос, застывший в глазах немца, сразу же ответил смысленый батюшка, указав пальчиком на лежащую сбоку крышку гроба. В белый атлас крышки легла огромного размера копченая нога, несколько колец толстых колбас, а также палка твердокопченого сервелата.

— Он что — совсем от горя спятил? — толкнув мужа в бок, прошептала я.

— Почему спятил-то? Гюнтер — директор большой колбасной фабрики под Кёльном. Чем богат человек, тем и рад. Туу в свое время очень радовалась огромным доходам от его бизнеса.

Я кивнула, вроде как — спасибо, поняла. Но мой кивок походил больше на втягивание головы в плечи, скорее это был испуг от мысли: что же мой недотепа принес в подарок? Ведь если мыслить логически, то... Мой муж — директор завода по переработке, прессовке, расфасовке и упаковке куриного помета. Слышали о таком чудодейственном для садов и огородов «Биолине»? Завод у него преуспевающий, и Туу также успела порадоваться доходам от его бизнеса, и...

Мои размышления прервал следующий ээсовский член — дедок в кресле-каталке. Смотреть на него было сплошное удовольствие: катился он очень легко, у него был потрясающий музыкальный слух — все его движения абсолютно совпадали с ритмом мелодии. Как вы помните, «Regtime» из кинофильма «Афёра» — мелодия шаловливая и задорная. Так вот, он очень даже шаловливо-задорно еще и прокручивался вокруг себя, на каталке-то! Говорил он недолго и, по-моему, по-английски. Потом вынул огромную, видимо сделанную по заказу пятилитровую бутылку виски «Jameson», потряс ею в воздухе и водрузил рядом с колбасными дарами. Кто-то из окружения, не удержавшись, даже захлопал от восторга. В глазах у всех было одобрение. Я не стала ничего выспрашивать у мужа, я догадалась, что это Стив, сорокапятiletний ирландец. Наверное, у него был какой-нибудь завод по производству ирландского виски. Стив, судя по внешности, был равнодушен ко многим соблазнам жизни. Выглядит он неважно, просто даже старик по

сравнению с шестидесятипятилетним колбасником Гюнтером. Откатывался он так же виртуозно, как и въезжал. Было ощущение, что нам показывают фрагменты соревнований танцоров-инвалидов. А кто его знает, может, он еще и танцор?

Следующим был мой муж. Сгорбленный, нерешительной походкой он подошел к гробу и прошептал чуть слышно:

— Отпусти мою душу, не мучай... и не звони больше...

Во как серьезно. Думает, я не услышу. А я за двадцать-то пять лет не только уже по губам научилась читать, а даже по его затылку — мысли и тексты его электронной переписки.

Затем он вытащил конверт, достал из него ваучер на недельное путешествие по Европе.

— Не скучай, — произнес он, украдкой оглядываясь на меня.

Положив в открытую крышку гроба свой дар, он отправился прочь.

Первая мысль была: слава богу, не опозорил, а то притащил бы упаковку с «Биолином». А вот вторая начала меня тревожить: ведь прошлым летом мой муж неожиданно вылетал на неделю по делам в Европу. Так, может, любовь-то у них не только виртуальная?

— Брысь, — сказала я мыслям, — что теперь-то говорить, когда она в гробу.

Потом к гробу подъехал лапландец. Я не оговорила, он будто действительно подъезжал на оленях, потому как пощелкивал кнутом то справа, то слева. Он был эффектнее и краше всех присутствующих. Четырехугольная, с кисточками лапландская шапка, одежда из кожи и меха, с цветным орнаментом, кожаные сапоги с чуть задран-

ными носами и улыбка — ну как у наших чукчей, искренняя и детская. Видимо, искренне радуется, что освободился от постоянных её счетов: за содержание в больнице большого семейства его «восточной радости», за подарки на день рождения, который почему-то празднуется по несколько раз в году, за оплату нового компьютера — единственной возможности общения с любимой. Лапландца звали Юсси, он хоть и улыбчив, но молчалив. Не произнеся ни слова, он потряс оленьей шкурой — это его дар незабвенной Туу. Юсси вроде искал подходящее для дара место, в то же время показывая другим членам себя и свою щедрость.

Честно говоря, я немного устала и от церемонии, и от Содружества, какие-то они все немного чокнутые. Вон там, сразу же напротив меня, стоит, казалось бы, симпатичный мужчина: все в нем на пять с плюсом, но... руки держит в карманах брюк — это еще полбеды, пусть бы и держал, вот только что уж так-то нервничать. Хотя, кто его знает, будь я мужчиной в таком положении, что бы я делала?

Сама того не осознавая, я оказалась с подарком у гроба. И чего меня черт понес сюда, но, да видно, Богу так угодно. Подарок я и сама-то видела впервые. Торопливо сдирая праздничную упаковку, я подошла к крышке гроба и уже собиралась опустить подарочек в атласно-белую крышку, как вдруг спиной почувствовала пронизывающую тишину. Даже «Regtime» замер. Я опустила глаза на подарок... В моих руках красовался крупнейший фаллос.

— Вот это да! — выдохнула я. Понимала, что все ожидают моей прощальной речи.

— Этот дар, — срывающимся голосом нача-

ла я, — хочу вручить несравненной во всех отношениях Туу. Не скучай, не трать времени на отлов чужих мужей, ОН да тебе заменит их всех вместе взятых. Посмотри, какой красавец. Деньги на выбранном тобою свете все равно не нужны... А это, может быть, пригодится.

Раздались бурные аплодисменты, и даже сам батюшка, смахивая слезинку со щеки, хлопал в изнеженные ладоши. Вновь заиграл «Regtime».

Когда аплодисменты смолкли, батюшка, обращаясь ко всем, изрек:

— Больше её душе грешной ничего и не надо, а моё тело и душа изволили спешить. Посему... Проваливайте, щедрые вы наши...

Нет, я что, опять ослышалась? Что за фамильярность?..

Проснулась я оттого, что меня кто-то сильно тряс за плечо.

— Вставай, сонюшка, сегодня ведь только пятница. Это завтра можешь спать сколько душе угодно, — нежно полупел муж.

Пометавшись по квартире и успев за двадцать минут сделать невероятно многое, я наконец-то пригубила завтрак. Мужу почему-то кажется, что я совсем не ем, только пригубляю. Также ему кажется, что я еще и усугубляю многие проблемы, и сама отравляю свою жизнь, и вообще очень часто «валяю дурака»... Ну, да бог с этим. После второй чашечки кофе, как бы между прочим, муж весело мне объявляет:

— Ты, дорогая, даже не представляешь, как мне не хочется ехать в командировку на этот Восток, в эту ужасную Бирму...

Тут зазвонил телефон, в такую-то рань мог... могли... могла... Да нам кто угодно мог звонить

в такую рань, при этом каждый раз я все равно дергаюсь.

— Лёль, это ты? — прошуршала своим старческим голосом Ева. — Ну что, видела по телеку?

— Ева, ну ты же знаешь, я утром телевизор не смотрю, а что было-то?

И тут я узнаю, что в передаче «Время. События. Люди» сообщили, что в ночь с четверга на пятницу в «любимой» восточной стране при неизвестных обстоятельствах скончалась местная красавица — владелица интернет-клуба Туу Кхамон, её нашли... Показали даже: лежит в каком-то не то саду, не то парке и в одном нижнем белье, а рядом на травке ваучер на недельное путешествие по Европе...

Дальше я уже не вслушивалась. Мой внутренний голос просто вопил: «Как же, поедет он в Бирму! Не будет ему никакого Востока и никаких девочек. Хватит, “наинтернетился”! Это на старости-то лет! Ну ни стыда, ни совести. Будто я не знаю, где и рядом с чем, эта Бирма находится. Да и зачем это ему теперь? Приключения чувствительных мест закончены».

Чашечка кофе, сопровождаемая моим уже невнутренним криком, напоминающим скрежет камня по стеклу:

— Умерла она... умерла твоя красавица! — жарким протуберанцем метнулась в сторону кресла, где безмятежно восседал муженёк.

А согласитесь, сон-то был чудный, а?

И шо он у нас...

Они и на самом деле любили друг друга, а уж когда выходили в люди, то изображали даже страстную любовь!!!

Не только для того, чтобы подтвердить истину, родившуюся среди финнов, что самые лучшие браки с иностранками — это браки финнов с украинками, нет!

Им было вместе и тепло, и, конечно же, пожитейски удобно. А самое главное, соседи завидовали, а подружки, так те и вообще, видя их идиллию, каждый раз почти что умирали от зависти.

Вот относительно домовитости и кулинарных способностей — этого ничего не было: Оксана не готовила, не убирала, не гладила рубашек мужу.

Так и он, Пекка, был не тот муж-герой, о котором мечтают украинки: «Ну шо он усё молчит и не поёт даже, не танцует, забывает дарить подарки на 8 марта и ни ист сало...»

Но у Оксаны была чудная мама, которая и жарила, и парила, и чистила!

А Пекка деньги зарабатывал — и неплохие — работая день и ночь. Работал, чтобы с красави-

цей женой по миру поездить, дачу построить, машину поменять, квартиру обновить... и быть обласканным свекровью.

Вот только жена всё равно шипела : «Ну шо он усё копит?» Или: «Ну шо он у меня какой дурень?..»

Так они и жили.

Родились дети. Воспитывали вместе.

Девочка, как мама, кокетливая-кокетливая и горластая. Мальчик, как папа, серьёзный-серьёзный и молчаливый.

И теперь уже в три голоса, нет, в четыре (свекровь ведь почти жила у них): «И шо он у нас какой — ни рыба ни мясо, финн типичный?..»

— Вон у Таньки, — жужжала Оксана, — муж мерседес ей купил, а мне тайотку какую-то...

— А у Зойки, хляди, хде дети учатся, в специальной платной школе, а наши хде?

— Мы ему хто или родственники?! Нет, не орёл он у меня, не того я взяла в мужья...

Молчал Пекка, молчал, а потом рассердился. Взял и ушёл насовсем, навсегда, то есть умер...

Полгода всё украинское и полуукраинское семейство плакало горячими слезами, ещё пуще ругая Пекку: «Не, ну хад какой, умер он, а о нас он подумал, а мы теперь шо? А на Майами ж обещал в отпуск... Ой хоре-то какое...»

Через полгода объявили завещание.

Жене, Оксане Виртанен:

— оплаченный чек на покупку машины мерседес самой последней модели;

— дача, квартира, акции;

— оплаченная путёвка в Майами (Ах, жаль, —

подумала Оксана, — в Майямах не смогу на своем мерсе выступить....);

детям:

— счет в банке, и довольно-таки приличный («Всё, наконец-то оторвёмся, на месяц, да, пожалуй, на три укатим в Таиланд!!!» — закричали наперебой шестнадцатилетний и восемнадцатилетняя — детишки);

а любимой свекрови:

— щенка добермана, который смотрел на неё такими ласковыми и умными глазами, что Наталия Петровна вскрикнула: «Нет, ну ты погляди, вылитый Пекка, ну шо ж он с нами делает!!!»

Но...

Всё ЭТО было завещано при одном условии: никогда и ни при каких обстоятельствах не вспоминать Пекку плохим словом и забыть навсегда фразу «и шо он у нас какой...».

Тижон

В летние дни, да еще если дни эти — выходные, улицы центра Хельсинки немногочисленны. Многие выезжают за город, кто-то играет в гольф (понятно, не в центре города), кто-то наслаждается ароматом собственного сада, а кто-то просто высыпается после трудовой недели. Я, к слову сказать, как раз из тех, кто подолгу нежится в утренних снах... Сегодня, правда, не удалось: из Тампере должна приехать моя подруга, поезд прибывает в десять часов, и я уже приближаюсь к вокзалу. На часах — девять тридцать пять.

У центрального входа неизменно торжественно несут вахту два каменных викинга с огромными осветительными шарами в руках — это скульптурные произведения зодчего Эмиля Викстрёма, около них-то часто и назначаются встречи. Сами финны шутливо называют это место — *иккон алла*, т.е. под мужиками. Не знаю уж, как по-фински это воспринимается, а вот по-русски — мол, встречаемся под мужиками — прямо скажем, много обещающе. Народу — никого! Лето же. Хотя — почти никого...

Замечаю стоящего прямо между «мужиками» невысокого худенького, напоминающего

юношу, мужичка. Вид его очень даже впечатляет, во всяком случае издалека. ОН постоянно то поворачивается из стороны в сторону, то вскидывает одну руку (похоже, в ней сигарета), то вкладывает свободную руку во внутренний карман пиджака (помните, как это делал товарищ Сталин?). ОН переминается с ноги на ногу и периодически выставляет одну вперед — на носочек. Честно говоря, я не знаю, что означают эти движения. На нем очень модный костюм, а может, и очень старомодный, так как то, что в семидесятых годах считалось модным, — то модно и сейчас. Зауженные в коленях и расходящиеся к низу большим клёшем брюки. Однобортный пиджак с широкими лацканами застегнут, надет пиджак на голое тело. Из нагрудного кармашка красуется уголок платочка...

— Надо ж, какой элегантный и прямо с утра!

Разрезы сзади на пиджаке чуть оттопыриваются. И вся эта красота — серая, в черную полосочку. ОН курит, мечтательно уставившись в звенящее синевой небо. Похож ОН на пижона семидесятых, только у них были еще и узконосые черные ботинки, а этот предпочел почему-то белые кроссовки «Addidas», значительно большего размера, чем ему требуется.

Я уже подошла довольно-таки близко к центральному входу вокзала, поэтому и рассмотреть «пижона» могу получше: вокруг ни души, а у меня еще масса времени. Это самый что ни на есть бомж, обласканный подарками «Армии спасения», отсюда и новехонький, но старомодный костюм из добротной тонкой шерсти, и «Addidas», хоть и не его размера. Не удивилась бы, если на руке красовался бы пляжный «Rollex».

Доброе утро, милая дама! — вдруг обращается он ко мне. — А не желает ли милая дама, чтобы я ей помог?

Произносит он это, выпуская в сторону колечками сигаретный дым. Надо же, при манерах!

Не помню, но кто-то когда-то уже давал мне наставления, как реагировать на заигрывание пьянчужек, бомжей и цыган (да простят меня романы): главное — не смотреть им в глаза и, не останавливаясь, идти мимо. Вот я и хотела проскользнуть мимо «пижона».

Но тут, вдруг раскинув руки и обратив мечтательный взор в небо, ОН явно процитировал: «И ниспослало небо мне неожиданную отраду...»

Я, естественно, остановилась. А вы бы разве нет? Что, каждый день таких встречаете? Своим последующим вопросом я будто отвлекаю его от молитвы.

— Простите, а что вы имеете в виду, когда говорите о какой-то помощи? И зачем вам это?

Последний вопрос могла задать только женщина, видимо, на это и был сделан расчет, так как ОН сразу же продолжил:

— А как же, мне-то очень даже это надо: хочу честно немного заработать. Может, помочь чего поднести или вещички посторожить? Я сил ради вас не пожалею и глаз не сомкну.

Вот это да! — подумала я. — Еще немного, и начнет декламировать из Шекспира.

Но ОН, не отводя от меня мечтательного взгляда, вдруг коснулся моей руки. Машинально я втиснула ее поглубже в карман, потому как явно чувствовала, что следующим может быть... Господи, откуда страсти-то такие, чушь какая-то!

– А сколько это — немного? — быстренько вступила я в торги.

– Незабвенная вы моя, десять марок, всего лишь десять, — и ОН опять затянулся сигаретой.

Обычно здесь, на вокзале, пьяницы и бомжи просили одну, ну, максимум, три марки. Интересно, а почему он просит десять?..

– Извините, — я и сама не понимала, почему это я перед ним извиняюсь, — я дам вам 10 марок, если вы потрудитесь (слово это я произнесла ласково — вот, мол, вам и работка) мне объяснить, на что вы их собираетесь потратить. И если это прозвучит убедительно...

– Да вы просто ангел! Конечно же, и потружусь, хотя... Да что тут лукавить... Давно, понимаете ли, не едал я мороженого. А поскольку люблю я только «Movin'rik», вот и приходится на него зарабатывать. — ОН посмотрел на меня вопросительно, приподняв бровь.

– Убедительно и незатейливо, — хмыкнула я и, улыбаясь, протянула ему десять марок.

ОН поклонился и, ни слова больше не говоря, куда-то заспешил.

До прибытия поезда оставалось 15 минут — я не спешила к перрону. Зато меня страшно стал занимать «дамский угодник», предпочитающий только «Movin'rik». Интересно, ожидают ли его где-нибудь за углом собратья или он уже по дороге в «Алко»?

Ровно через 5 минут ОН вышел из центральной двери вокзала. Занял свою прежнюю позицию, т.е. под мужиками. В его руках красовалась вафельная трубочка с двумя большими шарами мороженого — точно, не соврал, купил

именно «Movinpic». Верхний шоколадный шар стал подтаивать, «наш гурман» тщательно подлизывал стекающий холодок, при этом мимика его лица убеждала в том, что он ведет диалог с собой:

– А ну-ка посмотрим, каково на вкус...

– Да, что ни говори, а все-таки швейцарское — есть швейцарское, — он вытягивал руку с мороженым и любовался им как бы со стороны, но недолго, потому что мороженое таяло и наслаждение нельзя было растягивать.

Вскоре он вытащил из-под оттопыренного заднего разреза пиджака белоснежный платок. Очень изящно, не торопясь, стал промокать уголки губ... Черт возьми, он действительно был при манерах! Меня он уже не замечал — вот так. А как же искреннее обещание «Я сил ради вас не пожалею и глаз не сомкну»?

«Скорый поезд из Тампере прибывает на восьмую платформу», — услышала я и поспешила на вокзал.

А брюнетки лучше!

Видите ли, Ему не нравится мыть посуду. Оказывается, это оскорбляет Его мужское достоинство... Ладно, вымою, но при этом обязательно напомню, что Он маменькин сыночек. А эти разбросанные по всей гостиной недочитанные книги, лежащие разворотом вниз! Я называю это хламидством – да-да – и пофигизмом. И почему я никогда не знаю, в какое точно время он придет с работы? Да не цепляюсь я – просто интересно. А эти поздние телефонные звонки и срочные вызовы на работу? Ревную?! Да боже упаси, просто, когда он возвращается, я уже не могу заснуть. Но он очень любит дарить цветы и обязательно охапками – вот и я говорю, транжира! А мой день рождения? Я повторяю – МОЙ! И зачем надо приглашать на мой день рождения своих друзей, многих из которых я просто не терплю?.. Эгоизм чистой воды!

И вот так во всём! А он мне ещё говорит: «Неужели вы, брюнетки, все такие зануды?..»

Выкрасилась в блондинку.

По утрам принуждаю себя выпивать три чашки кофе только для того, чтобы подольше смотреть Ему преданно в глаза и повторять:

«Да, милый, ты конечно прав». Улыбаюсь по пустякам и позволяю Ему оставлять домашние тапочки посреди гостиной. Не спрашиваю, когда вернётся с работы, смотрю не канал «Культура», а вместе с Ним футбол. Когда Он дома, читаю исключительно Дарью Донцову. Или часами обсуждаю по телефону походы в модные бутики, после чего непременно клянчу деньги на следующие желания.

Каждый день уговариваю Его отпустить меня с соседкой Наташкой (другой блондинкой) на недельку в Париж потусоваться или на «Красное море» побалдеть.

Раз в день — это точно — звоню Ему на работу с предложением вместе где-нибудь пообедать или в крайнем случае поужинать, потому как лень что-либо готовить.

По ночам пытаюсь Его убедить, что кофе в постель по утрам блондинки обожают тоже.

Пока безрезультатно...

Ночью, когда «коллегиня» по работе просит Его к телефону, ласково говорю Ему: «Чего это ей не спится?..» И когда я уже начинаю привыкать к своей легкомысленной блондинистости, он мне заявляет, что всё-таки брюнетки лучше...

Нет, я категорически не согласна, что все рыжие — бесстыжие! Это что же, если я выкрасилась в ярко-бронзовый, так сразу же превратилась в бесстыжую!?

Другое дело Танька из соседнего подъезда, эта, видно, отродясь бесстыжая, а уж как выкрасится в рыжий, ну всех в наглости переплюнет! Пришла тут на днях за деньгами: двести евро ей не хватает на путёвку в Испанию. Спрашиваю: что

так и откуда вдруг Испания нарисовалась, ведь старый долг ещё не отдала? А она и рассказывает:

– Подзарядиться на бензоколонку подъезжаю, значит, только ногу свою в кружевном чулке высунула из машины и сразу же ощущаю на ней чей-то взгляд. Изучаю обстановку и – негр, нет, ну правда, и откуда он здесь, в Хельсинки? Подходит и по-фински спрашивает:

– Paljonko? – мол, сколько?

Я ему тоже по-фински:

– Ну, литров пять, до дома доехать...

Он головой крутит:

– Да нет, стоишь сколько?

– А знаешь, я даже не обиделась, думаю, если ещё хотят заплатить чисто за мою видуху, значит, я ещё в цене!!! Вот, хоть и негр, а щедрым оказался... Только всё равно двести евро не хватает – в Испанию хочу. Там, говорят, тоже рыжих любят. Слушай, а давай вместе махнем: вон ты тоже бронзовая какая!

Выпроводила я Таньку и сразу же на завтра в салон причёсок записалась.

Брюнеткой всё-таки лучше!!!

Приходите завтра

— В пятницу идем в гости, — как бы между прочим обронила я, прошмыгнув к телевизору. Вопли мужа слышались только минут через пять, когда я уже успела попасть под телевизионный гипноз.

— Нет, с тобою, Юлька, можно спятить, ведь только ниспослал Господь (в лице финского профсоюза) нам *реккасраива** на пятницу, а ты тут... Думал, на три дня отключусь от всего. Так нет же, опять гости. Я могу хоть раз спокойно оттянуться в выходные? Я устал. Да с ума, что ли, все походили? Приглашают и приглашают, празднуют и празднуют!

Лёнчик уже стоял у меня за спиной, и я чувствовала надвигающиеся волны его гнева. Не оборачиваясь, продолжая без сопротивления тонуть в «американском мыле», я произнесла тихим и нежным голосом:

— Будет арабская еда, пить будем только чай, и вырядиться надо по-арабски.

— Чт-о-о!!! Это что еще за чушь? Это кто такое выдумал? Какого черта тебя по выходным

**реккасраива* — дополнительный выходной день.

тянет из дома как магнитом! Больше я, к твоему сведению, шута представлять не намерен, даже арабского! — прогромыхало за спиной и дальше уже почти тихо:

— Юлька, у нас же в пятницу субботник жилищного кооператива... А к какому арабу-то пригласили?

Тут я отважилась обернуться:

— Ханну вернулся на родину-Суоми из Ирака, говорит, что за три года работы там совсем обарабился. Вот, — говорит, — в выходные и забегайте, оттянемся по-арабски. Ну что там Ханские забеги на пару дней в полгода — ни друзей повидать не мог, ни себя показать. Маришка, естественно, хочет повыпендриваться в обновлениях. Кстати, он привез новый безналоговый мерс... Ну что, пойдем? Надо отнестись к ним с пониманием. Да, Лёнчик?

Вот за что я люблю мужа, так это за его отходчивость.

— А что сразу-то не сказать. Ханну — это дело святое, а с субботником я утрясу. Юль, а ты все точно помнишь? А то... — и вопросительно на меня посмотрел.

Ну и язва же этот Лёнчик, все забыть не может, как в прошлом году мы явились на День Независимости Финляндии в гости к моим финским друзьям в русских национальных костюмах: я в сарафане и кокошнике, а Лео (так его финны кличут) в атласной косоворотке, соответственно, красной, и в картузе набекрень. (А ещё у него в руках была балалайка, играть-то он не умеет, но это так, для куража). Кстати, было очень классно, все в нас так и въедались взглядами. Вот только... Независимость-то

финны праздновали от России, а мы вырядились. Вы, мол, тут празднуйте-то празднуйте, а мы-то всегда с вами. Ну, да это не со зла получилось, — я перепутала их «независимость» с российским Днем конституции, хоть этот праздник и позже на неделю. Есть за мной такой грешок — часто путаю даты и имена.

Пятница. Перед выходом с пристрастием осматриваем себя в зеркале. На моем почти двухметровом муже — белый длинный балахон с разрезами по бокам, расшитый на груди золотом, черные узкие брюки и дорогие английские черные ботинки. Голова покрыта бедуинским платком, перетянутым черным жгутом. Черную бородку клином — а ля шах Шахрияр — пришлось приклеить. Ну о-о-чень стал похож на шейха. Я у Лёнчика болтаюсь где-то под мышкой, ну вот такая я маленькая. На мне чёрное длинное платье, тоже блистающее золотом. На этом прикиде и остановлюсь, чадру надевать не стану. Еще чего! Даже в шутку покорную пленницу гарема изображать не согласна. Вот золотую ленту на лоб, пожалуй, повяжу. Когда-то всю эту амуницию мы привезли в качестве сувенира из Египта. Ах, давно это было и кажется теперь будто выдумкой. Последним штрихом в нашей «арабской клоунаде» были тёмные очки Лёнчика. Я настояла, чтобы он взял с собой паспорт... Мало ли что.

Вот в таком виде, да еще с букетом и бутылкой шампанского вместо чая, нас и увидели соседи, вышедшие на субботник и уже приступившие к уборке территории. Улыбались все. Подшучивали, спрашивая у Лёнчика, где же другие жены. Кто-то сдерживая улыбку, серьезно произнес:

— Они, наверно, в мечеть поехали, пятница у мусульман — священный день.

— Ну шутники, ведь знают, что мы русские ортодоксы, — начал было заводиться Лёнчик, но быстро стих, совесть, видно, заела: люди работают, а он веселиться поехал.

Мы степенно сели в мерседес и провожаемые добродушными взглядами соседей важно отбыли.

На всех перекрестках, где мы были вынуждены останавливаться, из окон соседних машин на нас пялились. Видано ли, при таком разгуле терроризма бен Ладены вот так свободно разъезжают! Моя ироническая мысль была тут же услышана. Идущий с мамой по переходу ребенок закричал, указывая пальцем на Ленчика: «А вон едет бен Ладен, давай его поймаем за десять миллионов!»

К счастью, во дворе у Ханну было безлюдно, хоть здесь никто на нас не тарасился. Правда, из окна первого этажа высунулась улыбкавая старушка, но что-то вдруг напугало ее, она стала усердно закрывать окно и даже форточку. Поднялись на второй этаж и позвонили, но нам почему-то никто не открывал. Наконец услышали шорохи, дверь распахнулась... Перед нами стоял Ханну в майке и трусах и почему-то заспанный. Я подумала: розыгрыш, наверно, решил изображать любителя сиест-наслаждений (время как раз подходящее — 15.00). Ну, так расплывись же наконец-то в улыбке...

Но Ханну не улыбался и даже не приглашал пройти. Его взгляд был обалделым. Правда, всеобщая обалделость длилась всего несколько секунд.

— Лео, Юлька, ну так от-чен замет-чател-но! Вы вот приходит!

Он раскинул руки, чтобы обняться, видимо, забыл, что стоит в одних трусах и майке. Мы с облегчением выдохнули. Нас, значит, ждали!

Откуда-то из глубины квартиры послышался голос ханской жены (так мы называем Маришку — жену Ханну):

— Кого там черт принес?! — это было произнесено по-русски, дабы финны не поняли, а русских соседей у них и не было. Маришка, как Аида, вся в легком и шелковом, со взглядом нубийской царевны, выплыла из какого-то экзотического аромата. В ее карих глазах почему-то не было бархата египетской ночи.

— Так ведь, — начала я, — вроде мы на арабский....

Лёнчик быстро сунул «Аиде» букет.

— Юлька, вечно ты все перепутаешь, завтра ведь, — уже нежным, как восточные сладости, голосом протянула Маришка. — Ведь на выходные договаривались. Приходите завтра.

— Мариша! Как это? Друзи-я пришли... — обиженно развел руками Ханну. — Я скучал три год, я совсем не пил. Лео, у меня всё с собой, ёлы-палы!

Надо пояснить: Ханну учился пять лет в Ленинградском горном институте, жил в общежитии, оттуда и имел соответствующий наборчик выражений типа «Вздвогнем», «Жахнем по стопарику», «Любовь-морковь», «Трах-бабах», «Вы что, охренели?» и много всякого эдакого.

Нет, лучше бы нам не видеть этого Маришкиного взгляда-цунами. Мы даже попятнулись. А я только и смогла пискнуть: «Нет, что вы! Мы уж завтра».

— Вот видишь, Ханьчик, они завтра, а мы...

Маришка обняла Ханну, мне сказала лицом, мол, надо же в конце концов и понимать, помаха-ла Лёнчику ручкой и медленно притворила дверь. Я нисколечко не обиделась: свои же люди.

— Ну ты и идиотка, Юлька...

Наверное, Лёнчик сказал бы в мой адрес и еще что-нибудь лестное, но на первом этаже слышались мужские голоса. Похоже, поругивались по-фински и приближались.

— Йёукко, говорю я тебе. Эта вздорная баба из пятой квартиры вот уже который раз всех нас *veetaa muunasta**. Звонит анонимно и сообщает то о злостных акциях против всемирной фауны — кот у неё тогда сбежал. То об убийстве этажом выше ревнивцем мужем жены — молодая парочка умудрилась повздорить как раз, когда шел старухин любимый сериал.

— А помнишь, Пете, в прошлом году было сообщение о газовой атаке? Мы как идиоты выехали по адресу, а оказалось — вьетнамцы с третьего этажа, жратву свою готовят.

— Так, может, это опять? Эта сигналила, как её там — Пипу Пууки. Насмотрелась вчера новостей, что там у русских происходит. Срочно, говорит, выезжайте и защитите нас от террориста с шахидкой.

И тут мы сталкиваемся на узкой лестничной площадке с двумя полицейскими. Секунда молчания...

**Veetaa muunasta*, — Тянет за яйца. Идиома, означает «причиняет множество неприятностей».

Затем резкий двухголосый ор: «Всем стоять на своих местах!!! Полиция!» — это они явно от неожиданности и испуга. И, как по команде, оба правую руку на дубинку. А мы что, спешили разве? Голоса только у них уж очень противные. Никто не стал руки нам заламывать, как это принято показывать в полицейских фильмах, а только: «Стоять!» — и затем: «Предъявите документы».

Нет, я все-таки молодец! Как в воду глядела, заставила Лёнчика паспорт взять. Он мне еще должен быть благодарен! У самой-то у меня водительские права были — это на случай, если Леонид Палыч решит слишком расслабиться в гостях.

Документы копы рассматривали недолго. И паспорт, и права у нас уже давно финские — более двадцати лет в Финляндии охлаждаем, не зря же друзья из России часто шутят, что мы стали здесь вроде какими-то отмороженными, в смысле — лица наши. Вот и копы, видно, как за своих признали, больше не орал. Нам этого всегда очень хочется, чтобы за своих нас принимали, это при имеющейся-то в паспорте отметке: место рождения — Ленинград. Возвращали документы уже с улыбочкой. А потом вопрошающе, голову так набок, и глазами сверху вниз измерили — смешно так, потому как совершенно синхронно они это сделали. В полицейской школе их этому что ли учат? Я в этом сразу поняла вопрос: мол, чё вырядились-то так? Карнавал, что ли?

— Конституцией не запрещено, — заорало вдруг что-то из меня, — а ущемление прав национальных меньшинств, как вы знаете, кара...

Хорошо, что Лёнчик меня перебил и, этак лебезя:

— Да так, дуркуем по-взрослому. Точно угадали, спасибо вам — карнавал у нас, для взрослых.

Уже не глядя на нас, один обратился к другому:

— Йоуко, ты у них что-нибудь спросил?

— Нет, а ты, Пете?

— Оснований для задержания нет.

— Нет, и проблемы нет.

И обращаясь к нам в один голос:

— Свободны.

Мы достойно... бросились вниз по лестнице.

— Как думаешь, что это было? — проговорил один из полицейских, когда хлопнула входная дверь.

— Не знаю... По паспортам — русские, а так — вроде арабы.

— Слушай, а ты видел в Финляндии русский карнавал? Я думал, они все в казаков да матрешек рядутся... А эти — в арабов. Странно как-то.

— Чёртова баба все ж таки эта Пууки!

— Пошли, Пете, в пятницу, я так думаю.

— А я думаю, Йоукко, отправить бы эту бабу куда-нибудь подальше... ну, хоть на Луну.

— Не-е, на Луну — ты загнул: слишком далеко и дорого — а ты, как налогоплательщик, знаешь... Лучше в Лапландию или Гренландию! А?

— Как думаешь, а этим-то зачем все это!

— Так пить, наверно, пойдут. А нам тут с сумасшедшей бабой возись. Слушай, а ты, Пете, любишь русскую водку? Тут жена в Питере была, привезла водку их президента.

— Что, «Вла-дими-ровка»?

— Да нет — «Пуу-тинка»! Знаешь, не хуже нашей.

— Да... Разве узнаешь, что у этих русских на уме, а нам тут еще до конца смены...

В голосе копов слышалась неподдельная зависть, наверное, они тоже были не прочь устроить карнавал под водочку.

Выскочили на улицу. Чтобы задушить на корню гнев Лёнчика, я пустилась в сладкое пение:

— Лёнь, а как ты их мощно нейтрализовал, а? Я-то, дура, не подумав, стала ершиться. А ты... нет, ты молодец!!!

— Юлька, вообще-то это было классное выступление дуэтом — поначалу пристрожили, а потом вроде как поблагодарили за понимание. Но учти, домой не поедем. Наши там опять будут издеваться, скажут, священный день мусульман отменили.

— А давай в ресторан махнем!

— Скажи еще в еврейский, мол, здравствуйте, шалом. А... хоть и в еврейский, кто ж сможет отказать мусульманам в их священный день, да еще и в такой демократической стране, как Финляндия.

Фрачок для гения

Вы себе не представляете, каково это: просыпаться утром с ощущением, что ты — гений. Да и понятно, вы же не гении, а я рос, зная наверняка, что я гений и есть. В детстве представлял смутно, что это вообще такое, хотя мама, моя добрая славная мама, постоянно и настойчиво мне твердила:

— Бог'ычка, ты должен стать гением, у тебя для этого есть всё: ну, во-пег'вых, твой папа — вг'ач, это значит, ты здог'ов; твоя любимая мама — учительница г'усского языка, а это значит, что ты оба-азан писать без ошибок; твой пг'адедушка Самуил имел до г'эволюции свою книжную лавку и читал наизусть Пушкина, он мечтал, чтобы его потомки умели сочинять не хуже гениального поэта, он не застал Йоси, Йоси Бг'одского, а то бы Самуил пг'осто отказался умиг'ать, и потом, Бог'ычка, ты же пг'едставитель великого наг'ода, а все, ну, почти все Нобелевские лауг'еаты — тоже его пг'едставители!

Я это усвоил и к тринадцати годам уже прилично сочинительствовавал, так во всяком случае говорили все наши родственники. Когда мне исполнилось шестнадцать, мое стихотворение было напечатано в молодежном журна-

ле, а с двадцати трех я стал жить в ожидании телефонного звонка из Швеции. Вы, конечно, понимаете, что я имею в виду... Мои драгоценнейшие родители создали для моего процветания великолепные условия. Папа оперировал, мама репетиторствовала, а я не напрягался — ведь гении должны делать всё легко и не напрягаясь. Свою очередную поэму я уже отправил по известному адресу, вот теперь жду. В предыдущие разы у них там просто не нашлось достаточно компетентной комиссии, чтобы оценить мою гениальность. Но всё течет, всё меняется, в конце-то концов должны же они там соответствовать!

Вы думаете, что я слишком много беру на себя? Но сами посудите: в том, что я гениален, многие не сомневаются. Вот вчера сосед заходил перехватить до зарплаты, я не отказал. Василий — замечательный сосед, он в больнице санитаром работает. Так он и сказал: «Гениальный ты мужик, Борька!» А Надежда, когда я ей на Восьмое марта подарил «Шанель № 5», просто кричала: «Заславский, это гениально!» Я же вам говорю.

Прямо-таки не знаю, чем бы сегодня заняться? Вообще-то я работаю в издательстве, но они там, по-моему, решили от меня немного отдохнуть. Вот я и расслабляюсь пока, ведь впереди жизнь нелёгкая, ноша славы-то тяжела. Может, зайти в бюро путешествий и ознакомиться с городами и странами, где я смогу с Лёлочкой... а может с Софочкой?.. нет, всё-таки с Лёлочкой отпраздновать получение Нобеля? Впрочем, это я ещё успею: они ведь оттуда — ну вы меня понимаете? — деньги не быстро присылают.

Тут, правда, слегка разоткровенничался я с водопроводчиком. Говорю, мол, скоро Нобеля дадут. А он мне, деревенщина: «Не Нобеля тебе дадут, а по шнобелю, ха-ха-ха...» Разве не хам? А, пожалуй, схожу-ка я сегодня к Фуге Боссу, фрачок себе подберу... А то позвонят не сегодня-завтра, а мне и премию не в чем получать. «Во, – скажут, – дожил!» Да, пора, пора к хорошим манерам привыкать...

Кака на «Версаче»

Погиб Версаче. Вернее, творение Версаче — моя новая блузка. Вот ведь только хотела надеть, так нет — эта чёртова птица, наш попугай Кекко (от Кекконен) вылетел из клетки с криками «Верр-сса-че», «Верр-сса-че» и... — ну, сами понимаете. Да еще так безжалостно! Хотя где вы видели, чтобы гадили с жалостью и не на своё.

Рыдать, конечно, не рыдала, но так стало обидно: пофорсить не смогла, и позавидовать никто не успел. А еще, как вспомню восторг, гордость и самодовольство на лице моего мужа в момент торжественного вручения им «Версаче» в день моего рождения... . Ах, жаль, не успела поносить.

Сырая картошка и «Ариель» не помогли: пятно только темнело и увеличивалось. С бюстом у меня все в порядке: привлекает внимание и без всяких там фишек. Я же не Надька — та может напялить драные джинсы от «Хуго Босса» и триндеть, что в этом и есть фишка. Ну не нужна мне фишка прямо на груди.

И что теперь? Выбросить — рука ведь не поднимется. Да и Вовчик, с его гордостью...

А... а может, Надьке-то и отдать, она, что ни говори, а соседка душевная: вчера вон опять пирогов натащила, хозяйственная наша.

Только отдать-то как? С какой на левой груди? Нет, надо что-то придумать.

Помнится, дарила я Вовчику джентльменский набор, – так, на всякий случай, тоже, кстати, от Версаче, где был приложен к галстуку свернутый в треугольник нагрудный платочек. Галстук Вовчик надевает редко, уж не говоря о платочке. Ну, зачем лабуху галстук, да еще и с платочком, он все больше на людях-то в шарфиках. Ну-ка, – Вовчкин платочек блузочке моей в самый раз по тону: блузка розовая, а платочек, как вишенка. Вот булавочкой приколю и...

Кла-асс!!!

”Look” все-таки изменился, как-то менее стильно стало, т.е уже не высокостильно, а умеренно вульгарно. Ну, не-е-т, такого мне теперь и самой не надо. А Надьке не только сойдет, да еще и пиццать будет от восторга, она все мои вещи просто обожает. Держа блузку на вытянутых руках, я торжественно направилась к выходу.

Входная дверь взвизгнула (сколько раз говорила Вовчику, чтобы он ее смазал!!!), на пороге стоял он сам. Взглянул на меня, взглянул на то, что осталось от «Версаче», и как-то сразу переменялся в лице.

– И што-о это есть?

Он ведь, когда сердится, никогда не орет, а раздувается и шипит, почти как дует в свой саксофон, и шипит почему-то с неизвестным акцентом, вроде как недовольство в эдакую шуточку оборачивает. А так-то он русский, мог бы и по-русски гроыхнуть. Нет, саксафонит!

— Пот-чему-т-то блузка от самого «Версаче» так гад-тко вы-гля-тит? И што-о это есть за эксе... аксе...

Ну вот, выговорить толком не может.

— Аксессуар... Вов, это твой платочек, ты все равно его не носишь.

И дальше:

— Вовчик, знаешь, я так потолстела, — ласково так и полушепотом пропела я (он так любит).

— Давай нашей Надюшке подарим. А?

Все дальнейшее уже было без акцента и не сдержанно.

— Ни за что! Ты не представляешь, сколько я за это бабок выложил. Ни фига себе, подарочек твоей Надюшке!

— Как хочешь! А я это уже не-на-дену, нет, ни за что!

— Ах, так!

— Ни за что!

Мы оба вцепились в блузку и стали ее тянуть каждый к себе.

— Нечего чипсы перед телевизором трескать, потолстела она, видите ли, — шипел он.

— Не твое дело, жмот, — орала я.

— Я — жмот? А ты... ты фифа, метросексуалка, — и обернувшись на входную дверь, которая еще так и не была закрыта:

— Пусть теперь вся лестница слышит...Ууу...

Тут неожиданно послышался третий, Надькин, голос, и через секунду еще одна пара рук вцепилась в блузку.

— Ребята, дайте поносить-то, ну, ни себе, ни людям, прямо...

Вовчик вмиг замолчал, выпустил блузку, поднял руку, что означало «Спокойно, девочки!»

Молча и хладнокровно он отстегнул от блузки свой платочек, засунул его в карман и... и увидел расплывшееся пятнище. Далее Вовчик невозмутимо, ну, почти невозмутимо, подчеркнуто-спокойно и без акцента просаксофонил:

— Думал, ты и правда супер, Ирка, а тебе даже на Версаче на...ать!

Из глубины квартиры что-то пронзительно защёлкало:

— Нассс...ррра..., нассс...ррра...

И дальше утвердительно:

— Кекко ууумный, Кекко сессуарррр, Кекко сексссуаал...

Какие же они замечательные...

Раздался звонок в дверь. Я не шевельнулась, но от увлекательного романчика невольно оторвалась. Не открою ни за что! Какие же беспардонные эти соседи, всегда вот так, без предупреждения, врываются в вечер... Ведь можно хотя бы позвонить, спросить:

— А что, если я загляну?

А я отвечаю:

— Случилось что или так? Может, по телефону обсудим проблему?

Между тем я уже спускалась по лестнице на первый этаж, но все еще про себя занудствовала, что и макияж успела смыть и костюм на мне удобный домашний, в таком виде они меня и не узнают, да и не хочу я ни с кем видеться...

В дверь настойчиво звонили.

— Нет, ну что за бесцеремо...

Открываю дверь и... На пороге стоит чучело. Первое, что бросается в глаза, желтое покрывало, красующееся на голове. Мой взгляд скользит вниз — там огромные раздолбанные, с дырами мужские сапоги, а из них торчат две

худенькие ножки, обтянутые белыми брючками в цветочек. У чучела — лицо, и лицо это напоминает мою соседку Тайну (имя это такое финское, ничего общего с тайной не имеет), голос тоже её, Тайны, но очень испуганный или замерзший, поскольку дрожит. Боже! Тайна Нурдман — адвокат одной из крупнейших юридических фирм Хельсинки, подтянутая, красивая, преуспевающая молодая женщина... Во всяком случае такой я ее вижу каждое утро на стоянке машин нашего домового кооператива. Что с ней случилось?!

— Елена, это я, Тайна... — видимо, на моем лице было такое удивленно-вопросительное выражение, что она решила назваться.

Вместе с Тайной в дом ворвался холод, на улице всё же минус 25 по Цельсию.

— Ой, Тайна, проходи, — с наигранным гостеприимством (как это часто делают финны) пригласила я. Не скрою, я испытывала желание поскорее закрыть дверь: холод-то какой!

— Что с тобой случилось?

— Да ничего страшного... Понимаешь, решила вытряхнуть покрывало, выскочила на улицу, а дверь ветром захлопнуло. Хорошо, что еще не в домашних тапочках, догадалась ноги сунуть в старые Петрины сапоги, а то и до тебя бы не дошла, — голос хоть и дрожал, но соседка старалась держаться бодро. Мудрено при таком-то минусе... Её морозно-бодрый и мой «доброжелательный» взгляды встретились. Секунда — и мы уже неудержимо смеялись, читая в глазах друг друга «Вот если бы кто-то нас сейчас видел». Да, такие мы, женщины: всегда мечтаем, чтобы нас видели только такими, какими

мы хотим себя показать. Тайна сразу же позвонила мужу, и он пообещал тотчас же выехать с работы на спасение «легкомысленной», как он выразился, супруги.

— Ну что, пошли в «мягкое отделение»? — так я называю в шутку ту часть гостиной, где стоит мягкий диван и кресла. Тайна почему-то спрашивает:

— А там тепло? И чаю попьем?

Бедная, вот исхолодалась-то как.

— Да, попьем, конечно. Хочешь, с коньячком? Водку предлагать не стала, а то потом обязательно где-нибудь расскажет, что у русских как что, так сразу водка. Не то коньячок так расслабил, не то потеплело (разница есть — плюс или минус 25) — полились воспоминания...

— Нет, Елена, ты не поверишь... Всегда со мной что-то случается, я, вроде, уже и не стесняюсь быть «чучелом», это не самое худшее... Вот расскажу.

— В Париже купила платье, такое кутюрное платье было. Нет, оно и сейчас есть — в шкафу висит... Оно тогда на мне — как на модели, что бизнесвумен изображает: элегантно, строгое и с изюминкой (застежка — пуговицы сзади по всей длине). Что ни говори, а шить они, эти французы, умеют! У меня — защита в суде, дело не из лёгких было... Заключительная речь. Я встаю, выхожу, начинаю говорить... А спиной чувствую шорох какой-то и непонятное веселье. Оборачиваюсь: вроде все серьезные, но какие-то натянутые... Да и судья, мне показалось, ухмыляется как-то странно. Ну, ладно, показалось, наверное... Продолжаю. Голос у меня уверенным стал — попробуйте-ка мне возразить или не согласиться со

мною! И тут чувствую: нервничает судья, будто спешит или вроде как ему уже всё ясно и он хочет, чтобы я закруглялась. Да я уже и так успела всё сказать. Иду к своему месту. Чувствую, что меня словно обнимает кто-то. Ничего не понимаю... Это мне показалось, что обнимали. На самом деле шаль какую-то набросили на плечи и зашептали в ухо... Ой, Елена...

— Стыдно вспомнить... Потом в офисе в глаза коллегам не могла смотреть. Представляешь: эти чёртовы пуговицы сзади, все до единой, были расстегнуты! А я-то важничала, ручонками там разводила... Это всё равно, как... как судья с расстегнутой ширинкой!!! Ну, может, у них там, в Париже, это и считается изюминкой, а здесь... Сейчас-то я понимаю, к чему это продавщица из французского бутика так настойчиво повторяла, что платье это для презентаций, для выставок, для... Что сидит платье замечательно, когда ты в движении, для того петли-застёжки там более длинные и пуговицы в петле... А я слушала и удивлялась, чего это она так распинается... Но ведь не сказала же она, что сидеть в нем нельзя...

Коньячок медленно, но верно действовал. Тайну было не остановить...

Прибывший через полчаса Петри тоже согласился выпить коньяку, только с кофе... И вскоре заявил, что он всегда любил русских, только совершенно не переносит их кислые щи, а они, эти русские, почему-то считают своим долгом на всех обедах угощать этим странным супом... Тайна сердито посмотрела на мужа:

— Да ладно тебе, подумаешь, нежный какой! Русские хоть руки не заставляют мыть после еды. Вот, значит... Конференция была в Куала-

Лумпур, вечером ужин, конечно же. Фруте де мааре в изобилии — хочешь, ешь щипчиками, хочешь — руками. Я, конечно, руками — разрешено же... И так после всего этого морского жажда одолела... А у них там всё продумано — чаша с лимонной водой перед каждым стоит. Ну, я поднимаю эту чашу и только глотнуть хотела — официант летит, полотенцем машет. Оказывается, это — для ополаскивания рук... А тебе суп, видите ли, не нравится...

Петри не сдавался:

— Нет, несмотря ни на что, я русских, можно сказать, даже очень уважаю! Они нам, всей фирме, на Рождество подарили меховые шапки-ушанки. И на охоту пригласили! Только я, как эту ушанку надел, вообще слышать перестал... Ну, и прослушал, как их начальник товарищ Пиетор приглашал «сугреваться»! Так без меня там вотку и пили!

Зазвонил Петрин мобильный телефон. В трубке кричал детский голос:

— Па, вы где там все? Почему дверь не открываете? Я уже замёрз, и... хочу... это...

— О, Боже! — подскочила Тайна. — Мальчики с хоккея вернулись... Елена, дорогая, ты настоящий друг. Ты настоящая... русская! Ну, мы побежали...

Я проводила их до двери. Нет, все же какие у меня славные соседи! Как с ними легко, без церемоний, «без галстуков», можно вот так мило поболтать, пусть даже ни о чем. А то сидела бы буквой одна весь вечер, уткнувшись в книжку. Себе одной и кофе лень бы было сварить...

De Haan

Побережье Северного моря у маленького городка Де Хан на севере Бельгии – вот уже многие годы любимый летний курорт европейцев. В летний сезон здесь не жарко. Мои юношеские желания увидеть весь мир и подышать воздухом всех континентов уже удовлетворены. Хочется просто отдохнуть под нежгучим солнцем и с ласковым морским ветром, с ленивым утром, с хорошим гостиничным сервисом и кухней для гурманов. А если вдруг заскучается и вспомнится о выставке в Лувре или музее Ван-Гога, так в чем проблема? Можно съездить. Средневековый Brugge находится в пятнадцати минутах езды от побережья. На его маленьких площадях под открытым небом можно хоть каждый день наслаждаться музыкой Шопена, Штрауса, Моцарта... Час езды на машине, и ты уже в Брюсселе – в центре европейской культуры и кулинарии. Амстердам, Париж тоже не за горами.

Сезон обычно начинается в июле. Но уже во второй половине июня гостиницы Де Хан потихонечку начинают заполняться. Это и всегдашние, и туристы, решившие совместить отдых на море с путешествием по Европе.

Следы

Следы на песке
глубокие, легкие.
Память коротка.
Время развеяло сон,
хранящий чей-то след.

К вечеру песчаная полоса побережья становится бесконечной. И уже невозможно разглядеть в какой момент и в каком месте она превращается в морскую гладь и далее из воды переходит в малиновое закатное небо. Отлив.

Время вечернего моциона. Веселые группки молодежи и влюблённые пары забегают далеко, и кажется – в море, отважно пытаясь потрогать горизонт.

Люди среднего возраста и семейные пары с детьми как будто измеряют шагами длину пляжа. Не то морской воздух, не то благожелательное настроение после ужина в прибрежных рестораниках делает их умиротворенными. Они почти не разговаривают, а если и пытаются обратиться внимание спутника на что-то, делают это в полголоса, не ожидая ответа. Пожилые неизменно сидят в креслах: они или просто молчат, или читают.

Первые три дня мы бродили по бело-розовой песчаной полосе, не переставая восхищаться рассветами и закатами. Муж, к моему удивлению, с видом знатока рассказывал о морских обитателях, оставшихся на песке во время отлива. Надо же, а мне-то всегда казалось, что я знаю о своем муже все, даже то, что он знает или не знает. Ну а потом, когда картинка заката перестала нас

удивлять, и все восторги были уже высказаны, даже о морских обитателях уже было все сказано, мы придумали игру «Какой он человек, оставивший след?»

1. Следы первые

Несомненно, это были следы ребенка: маленькая ступня, все пальчики отпечатались в виде горошинок, пяточка еле заметна — размером с абрикосик. Дети ведь часто бегают на носочках, будто вприпрыжку. Вот и этому, видно, было очень весело. Смеющиеся шажки иногда прерывались. И... Вот уже на песке видны две маленькие ладошки. Ах ты, господи, упал! Смешные детские рисунки. Ну, конечно же, мама, папа и он, малыш. Мама — высокая, красивая, с прической. В руках, похоже, — скрипка. Папа — пониже мамы, в очках, с чемоданчиком. Может, банкир? Себя малыш нарисовал улыбающимся, с цветочком... Сомнения нет — счастливое семейство.

2. Следы вторые

Вот следы пробежавшего здесь недавно молодого человека. Нет, он не спортсмен (обувь непрофессиональная), но бежит легко: след полный, неглубокий. Наверное, высокий, стройный: шаг длинный, чувствуется, спину держит, поэтому пятки чуть вдавлены. Красиво бежит. Надо же, один. И ведь, точно, не спортсмен: курил на бегу. Может, нервничал...

Да, видимо, нервничал, бег какой-то рассеянный...

А вот и разгадка: со стороны набережной к нему подбегала девушка — туфельки на каблучках. Конечно же, девушка. Кто же еще отважится на шпильках да по песку? Стояли. Близко стояли. Обнимались...

Странно, что исчезли туфельки... Наверное, босиком пошла... Только в противоположную от него сторону... Может, плакала...

3. Следы третьи

Они шли медленно. Четыре рядом идущих следа. Правда, был еще и пятый: женщина, очень пожилая женщина, опиралась на палочку. Слева ее поддерживал мужчина. Интересная пара: она — маленькая, сухенькая, — шажки мелкие и почти невесомые, правый след едва виден; он — высокий, сильно согбившийся. Шли, взявшись под руку.

С моря подул ветер... рябь на песке. Мужчина перешел на другую сторону. Остановились... Собой закрывает ее от ветра, поправляет спутнице растрепанные пряди... Стоят лицом к лицу...

Наверно, просто смотрели друг другу в глаза.

4. Следы четвертые

Они бежали...

Бежали весело, опережая друг друга.

Дурачились. Она пыталась пританцовывать. Он маршировал...

Потом они медленно шли, держась за руки...

Вот встал перед ней на колени. Она кружится, раскинув руки.

Он поднимается, идет дальше. На песке только его следы. А где же она?...

На песке только его следы, но они стали уверенными. Тут же, рядом, — легкий след ветерка ее спадающего шарфика.

Ах, вот отчего следы такие глубокие! Он взял её на руки.

5. Следы пятые

Мы возвращались, но ЭТИ следы уже давно не давали мне покоя: не могла я ничего про НИХ сказать. Только то, что спокойно шли мне навстречу — женские или по-мальчишечьи скольльзящие и как-то уж очень меня раздражающие, не понятно только, чем. Все время хотелось поучать, делать замечания:

— Не так идешь, не туда, ни к чему так задумываться, ведь многого не замечаешь...

Потом я о НИХ забывала — искала глазами другие интересные следы, рисуя в своем воображении их короткую историю. Шла дальше.

И когда идущие навстречу «задумчивые следы» вновь попадались на глаза, меня тревожила их немота. Почему ОНИ не хотели о себе ничего рассказывать? А может быть, ОНИ сами себя еще не разгадали? Мы привыкли к истинам: «чужая душа потемки» или «я знаю *кого-то* как себя самого». А так ли это?

Маленький щенок, шаловливо визжа, гонялся по берегу. Он подпрыгивал, заглядывал в глаза, а если удавалось еще и лизнуть чью-нибудь руку, заливался веселым лаем. Отбегал, мотая головой с болтающимися ушками, летел навстречу каждому прохожему. Ухватив меня за брю-

чину, пытался куда-то тащить. Подоспела хозяйка — девочка лет девяти, чем-то на него похожая, или щенок был на нее похож, и они уже вдвоем побежали дальше.

Я смотрела им вслед... Невольно взгляд упал на песок.

Опять ЭТИ следы! Следы? Следы...

За спиной были все те же следы — МОИ «задумчивые следы».

Их день

Впервые я увидела *Их* в ресторане «Bellevea».

Одна из прелестей летнего отдыха — незапланированность. Идем по набережной, рестораны зазывают. И вот из одного доносится тихая мелодия любимого блюза. Решено, ужинаем с *Билли Холлидей*.

Стеклянная стена террасы смотрела в сторону моря. Сидящие за столиками любовались алым закатом.

Их столик стоял недалеко от нашего, я спокойно за *Ними* наблюдала. На эту красивую пару хотелось смотреть.

Ее лицо было совсем без косметики, или она просто умело пользовалась косметикой. Огромные серые глаза. Кожа светлая, не тронутая загаром. Темные, собранные на затылке в виде аккуратной ракушки, волосы. Милая, приятная улыбка. Жесты спокойные и уверенные, голос тихий и ровный. Ей лет сорок, решила я.

У него было загорелое мужественное лицо, морщины его не старили. Абсолютно белые (се-

дые), чуть вьющиеся, удлиненные волосы — он напоминал какого-то голливудского красавца. Все в нем было безукоризненно: поведение, манеры, тон, в котором он вел разговор, его одежда отвечала высокому стилю. А вот его глаза... Глаза были неудержимо печальными.

Он был значительно старше её.

Увлеченные беседой, которая, по-видимому, продолжалась уже давно, они не видели никого вокруг. В основном говорил он, держа ее тонкую кисть в своих больших красивых ладонях.

Нам принесли *frute de mare*, и я полностью посвятила себя борьбе с крабами, лангустами и королевскими креветками. Это совсем нелегко медленно отвоевывать по маленькому кусочку сочное мясо. Да, заказывая такое блюдо, ты должен быть готов не просто к ужину, а к церемонии.

От деликатесов меня отвлек звон разбившегося бокала. Я повернулась. Что-то произошло за соседним столиком.

На мгновение воцарилась тишина. На лице мужчины мелькнуло смятение. Женщина, желая сгладить неловкость, сказала спокойно, будто ничего не произошло:

— Ник, дорогой, а что было дальше? Неужели Лииз так его и не выслушала?

— Нет... не знаю... я еще не придумал... Пойдем, Бетси, вот видишь, я устал.

Официант уже успел собрать осколки стекла и ждал дальнейших указаний.

— Запишите, пожалуйста, на мой счет, — сказал мужчина.

Так я узнала, что зовут их Ник и Бетси. Он, по-видимому, писатель, решила я.

Бетси встала, обошла столик и остановилась у Ника за спиной. Положила руки ему на плечи...

Нет, не на плечи. Это были рукоятки инвалидного кресла-каталки.

Мне стало горько и отчего-то стыдно за себя: рассматриваю так бесцеремонно людей, их смущение, боль. Но их лица были спокойными, только, может быть, немного усталыми...

Сквозь застеклённую террасу я видела, как они медленно двигались по набережной вдоль полосы песчаного берега. Иногда останавливались. Смотрели на закат. Он жестикулировал, что-то рассказывая.

В среду, в полдень, я заскочила к «Билли Холлидей»: так мы стали называть наш любимый ресторанчик «Bellevea». Я хотела заказать что-нибудь из легкой еды для нашей завтрашней поездки в Брюссель: в дороге всегда хочется погурманничать. Оказалось, ресторан любим не только нами: уже знакомые мне Ник и Бетси сидели за тем же столиком у окна. Вокруг них стояли администратор, шеф-повар и официант. Невольно я стала свидетелем происходящего.

— ...Нет, нет, только для двоих — это наш день, наш праздник. Бетси очень любит розы. Вы непременно должны заказать розы Мерседес. Говорят, что в Европе этот сорт уже не в моде, но, пожалуйста, постарайтесь. И ещё много синих васильков с гипсофиллой. Знаете, такие кружевные бело-серебрянные цветы? У нас — серебрянный юбилей, — сказал Ник, переводя взгляд на Бетси. — Бетси, милая, вот видишь, я обещал, и я с тобой. Мы всегда всё будем делать вместе.

Ник говорил очень тихо, но почему-то все это слышали. Он потянулся к ее руке.

Потом они тщательно обсуждали меню, вина, музыку. Я нервничала, потому что торопилась

поскорее сделать заказ для нашего путешествия. Спустя полчаса администратор заверил Ника и Бетси, что к пятнице все будет подготовлено. Ник был очень усталым и раздраженным: наверное, стоило немалых усилий за полчаса представить персоналу свое виденье праздника. Он часто поглядывал на часы и как-то нервно поправлял элегантно повязанный шейный платок. Должно быть, его волновал предстоящий юбилей.

Наконец-то дошла очередь и до меня. Я сделала свой дорожный заказ и поспешила уйти. Отметила, что вот уже во второй раз, видя эту пару, я чувствую себя виноватой. Но в чем?

Четверг. Утром, около десяти часов, мы уже были в Брюсселе. Приятно начинать день в светлом гостеприимном городе, манящем своей загадочной стариной и одновременно удивляющем своей современностью. Ах, Брюссель! Фламандские мастера, паутина брюссельских кружев, патина древних тайн – и стремительные автомобильные трассы, молодежь, танцующая под реп на маленьких площадях. Гул жизни.

Под вечер я все чаще и чаще мысленно возвращалась к милому спокойному Де Хану. Я себя убеждала в том, что мы сможем посетить Брюссель еще много раз, ведь в Европе все находится рядом. А на сегодня, пожалуй, достаточно впечатлений и эмоций.

Заката в Де Хан мы уже не застали, но зато дотемна бродили по освещенному вечерними фонарями берегу, вспоминая чудный день в Брюсселе. Все-таки как странно... Нам легче говорить и восхищаться тем, что было (даже если это было несколько часов тому назад), а не тем, что есть и что мы переживаем в данный момент. Этим вече-

ром уже не хотелось больше никуда идти, и мы вернулись в гостиничный номер.

Проснулась я от неприятного звука, доносящегося из открытого окна, — это был вой сирены скорой помощи. А может, пожарной? Часы показывали 3.45, я подскочила к окну. Ко входу в гостиницу подъехала скорая помощь. Через некоторое время из дверей гостиницы вывезли каталку в сопровождении врачей и женщины с распущенными темными волосами. Машина сразу же отъехала.

Кто-то, видимо, перегрелся днем на солнце или слишком повеселился вечером. На отдыхе так бывает часто. Я легла в постель и опять окунулась в сон.

Проснулись мы поздно. Взглянув на часы, поняла, что на завтрак уже опоздали. Обидно. Ведь как там говорят: завтрак съешь сам, а ужин — отдай врагу, — а мы вот завтрак проспали. Решили, что сегодня никуда спешить не будем.

Сдавая ключи от номера, я поинтересовалась, что же случилось ночью.

— Вы что, еще ничего не знаете? — переходя на шепот, доверительно спросила пожилая служащая. По ее выражению глаз было нетрудно заметить, что уж она-то знает все.

— С господином Балдером случился приступ, он сейчас в больнице, но положение его все еще очень тяжелое. Вот несчастные, столько горя на их голову!

Как ни пыталась я себя сдерживать, но любопытство возобладало.

— А кто такой, этот господин Балдер?

Право, в следующую минуту я пожалела себя любопытную.

— Так вы у нас что, впервые остановились? — не ожидая моего ответа, она уже вылиwała все, что знала и о чем только догадывалась.

— Ну как же, это же известный сценарист. Никлас и Бетси Балдеры останавливаются у нас очень часто — они из Лондона, — в ее выражении лица была гордость, — Особенно последние пять лет. Вы же понимаете, после этой ужасной трагедии!.. Тогда об этом писали все газеты, хотя, что и говорить, трагедия ведь продолжается. Это и понятно, почему они так привязаны к нашим местам.

Вопрос в моих глазах был прочитан, и сердобольная служащая продолжала:

— Года два назад по дороге в Брюссель случилась автомобильная катастрофа. Мальчики у них были, как сейчас помню, славные такие, вежливые. Том и Ник, да, так же, как и сам господин Балдер. Все смеялись — Никлас II. Говорят, умерли у госпожи Балдер на руках. Она, бедняжка, говорят, все кричала: «Не оставляйте меня, как же я без вас?!» А они все равно умерли. Сам господин хоть и покалечился, но выжил. Хотя всё думаю, а жив ли он. А на госпоже Бетси ни одной царапинки. Правда, долгое время потом ни с кем не разговаривала. А теперь они вот так вдвоем и мучаются. Он вообще-то ходит, но очень плохо, да при его-то статности — и ковылять... Вот она его и возит в кресле-каталке. А когда приступы у него начинаются, так совсем невыносимым становится. Вот уж кто ангел, так это госпожа Бетси. Ведь Никлас Балдер в свое время был человеком очень известным и обожаемым, особенно дамами. Ох, сколько мы их тут видели!... Вот она известность

– и спрятаться-то некуда. Да он, правда, и не прятался, жил в свое удовольствие.

Рассказчица перевела дыхание, а я в этот момент успела крикнуть куда-то и кому-то: «Да, да, иду!»

– О, да ваш муж вас, наверное, заждался. Вы тоже – очень симпатичная пара.

Вот что значит вежливое отношение к клиентам, – отметила я про себя.

Мой муж меня не особенно заждался. Он сидел на гостиничной открытой террасе и медленно попивал из чашечки кофе. Медленно, потому что беседовал с прехорошенькой молодой особой, оказавшейся за его столиком. Мне вдруг показалось, что с этим человеком я и не знакома... Раньше я как-то не замечала, что его улыбка может быть такой обворожительной, а взгляд таким масляным. Подошла к столику. И опять-таки удивилась ему – новому, ранее мне неизвестному.

Обращаясь к особе, он смущенно произнес:

– Это Натали (не моя жена Натали, как он меня раньше всем представлял, видите ли, просто Натали).

Вот так начался наш день.

Нет, я не ревнива без повода. Повода я, в конце концов, не заметила: особа довольно быстро удалилась в обнимку с каким-то молодым мужчиной. Вот ведь напридумывала! Да мой-то муж и не сценарист и не известный там какой-то.

К вечеру мы были страшно голодными и, даже не обсуждая, где будем ужинать, направились прямо к «Билли Холлидей».

Сегодня здесь было как-то торжественно и особенно тихо. Мы заняли наш столик, если его можно так назвать после трех раз посещения.

Вид на закат, приятная музыка, вежливый официант — все, как обычно. За соседним столиком никого не было. Впрочем, он был празднично украшен: на нем стоял пышный букет — алые розы Мерседес и синие васильки с бело-серебряной гипсофиллой. Букет занимал почти весь стол, но стол все равно казался пустым.

Я посмотрела на скучающий берег, переходящий в гладь воды и далее в тишину неба... По белому песку брела одинокая женщина. От резкого поворота головы ее темные волосы, уложенные на затылке в виде ракушки, вдруг рассыпались и теперь подчинялись только ветру.

Доброе утро!

Сегодня уезжаем. Вот только позавтракаем — и в путь.

В утренний холл лениво подтягивались постояльцы. За неделю пребывания все лица стали знакомыми. По европейским правилам хорошего тона здесь здороваются по несколько раз за день. Вот и сегодня все раскланиваются и с улыбкой, обязательно с улыбкой, произносят: «Good morning, guten Morgen...» Правда, «доброе утро» за это время ни разу не слышала.

Каждое утро отдыхающие садятся за определенный столик: хотят чувствовать себя как дома и завтракать на привычном месте и в привычном окружении. Рядом с нами расположилось семейство из Кёльна: степенные, уже довольно-таки пожилые люди со своими кокеточками внучками. Девочкам лет пять-шесть. Они

не двойняшки, но уж очень одинаковые: у обеих — пляжные сарафанчики, маленькие соломенные шляпки. Девочки все время изображают, как им кажется, светских дам. Видимо, это игра.

Чуть поодаль сидят две симпатичные молодые подружки, говорящие с небольшим акцентом по-английски. Откуда они, мы не знали.

Есть здесь также и молодая семья, свои эмоции они выражают по-французски. А их годовалый малыш еще только пытается что-то сказать. А уж когда плачет, в нем безошибочно определяется будущий француз-революционер.

У окна сидит пара из Голландии. С ними часто по-дружески обменивается шутками мой муж. Они нашего возраста. Со мной голландцы говорят по-английски, а с мужем на своем родном — все трое родом из Амстердама. Несмотря на так называемую дружбу, завтракаем мы обязательно за разными столиками, расположенными подальше друг от друга. Как пояснил мне муж, у каждого должно быть свое личное пространство. К тому же наши голландцы, Франц и Герт, — новобрачные.

В холл входит администратор, за ним следуют молодые мужчина и женщина. Администратор гостиницы всегда сам сопровождает на завтрак вновь приехавших.

Мне показалось, что администратор перепутал и место, и время: вел парочку в зал вечернего коктейля, который устраивают после 20.00, а вот ошибся, забылся...

Вежливого приветствия от новеньких мы не услышали. Женщина буквально сочилась из полупрозрачного, во всех местах открытого длинного платья — его бежево-персиковый цвет

разливался на ее усталое лицо, глаза светились счастьем и восторгом. Казалось, она плыла, несмотря на двадцатисантиметровые шпильки. Видно было, что она всем довольна, а это в принципе редко можно сказать о женщинах. Мужчина — в вечернем темном костюме при белоснежном воротничке и при бабочке. А еще ... еще я разглядела и его лакированные ботинки.

— В газете писали, что сегодня нас посетит королева английская. Смотри, как люди вырядились, — съехидничал мой муж.

Внучки-кокеточки с присущей детской непосредственностью выпалили:

— Ууфф, бабушка, мы тоже хотим так же...

Гросфатер отложил газету «Bild zeitung».

Англо-говорящие симпатичные подружки переглянулись, приподняв удивленно брови.

Администратор довел пару до столика. Те манерно уселись и стали что-то ему говорить. Тот что-то записал и удалился. Очень скоро к столику подошел официант. Он держал в руках серебряное ведерко с шампанским. Мужчина одобрительно кивнул, бутылку звучно открыли. В холле установилась такая тишина, что было слышно шипение шампанского в фужерах.

— Слушай, такое себе позволяли только ваши русские дворяне, — с иронией проговорил мой муж.

— Да перестань ты, — мне почему-то так захотелось защитить новоявленных «наших русских дворян». — Ну, не успели с вечера переодеться, может, гуляли до утра. А что, лучше по-твоему, дрыхнуть всю ночь при их-то молодости и красоте? А потом чинно, в сандалиях,

шортах и футболках есть здесь с нами геркулес с беконом и с умным видом говорить о погоде...

— Натали, ну скажи еще, что они, как и Франц с Гертом, — новобрачные и у них была первая брачная ночь.

Мы уже оба смеялись, повторяя в два голоса:

— И первая, и брачная, и...

А затем «молодой муж», который выглядел действительно и молодо, и мужественно, отправился к шведскому столу и долго рассматривал его содержимое. Потом жестами и мимикой сообщил об увиденном спутнице, продолжавшей сидеть за столиком. Она ему отвечала таким же способом. И весь этот диалог был мне на удивление понятен. В это время Франц и Герт очень близко подошли к «молодому мужу»: наверное, тоже изучить утренние закуски.

В холле восстановился привычный многоязычный гул.

Я допивала вторую чашечку кофе, муж дочитывал свою газету «Parool». Вскоре, кивнув на прощанье знакомым, мы направились к выходу. Проходя недалеко от столика любителей «утреннего шампанского», я услышала:

— ...Ну, мусик, сама теперь убедись, вот она, Европа: выглядят как охламоны, едят как в доме престарелых, а вежливые!!!

Подумала: «А ведь я с ними, черт возьми, абсолютно согласна».

Искренне улыбаясь, я поклонилась. Вежливо поздоровалась:

— Доброе утро!

Вот уж правда: что хорошо европейцу — русскому невыносимо!

*Мой северный
Восток*

*Восточные формы —
хайбун, хайку*

Цхинвальские зарисовки

В СТИЛЕ ХАЙБУН*

* * *

Ираклий стоял посреди дороги, не зная, куда ему идти, — просто он опять ничего не помнил... Последнее время такое случалось часто: выходил из дома, а куда идти или возвращаться, уже не мог вспомнить. Вот и сейчас, еле передвигая ноги (он почему-то был в домашних тапках), делал несколько шагов вперёд, поворачивался на 180 градусов и опять несколько шагов вперед... А вокруг люди... люди. Ему вспомнилось: старики, женщины, дети... и он, мальчишка, — все медленно идут по дороге, заполненной раскуроченными грузовиками, танками... Но тогда была война, врагами были немцы, а что сейчас? кто враги? и почему стреляют?

Подшла девочка лет пяти, взяла в свои маленькие ладошки сухую руку Ираклия, прижалась к ней влажной щекой: «Ты кто, ты тоже потерялся?.. А я маму потеряла, пошли вместе, я не буду плакать, честное слово». А ещё она достала из кармашка платяца печенинку и протянула ему со словами: «И ты не плачь... мы обязательно найдемся».

И они пошли вместе со всеми на север.

пути в никуда
случайно пересеклись
у разных жизней

* Хайбун — «хайку в прозе». Небольшое прозаическое произведение, сохраняющее дух и стиль хайку и нередко заканчивающееся трехстишием.

* * *

Это был дом, который уже никого не ждал...
Это был дом, в который уже никто не спешил...

Он смотрел своими слепыми глазами разбитых окон в небо, но различить на нем солнце, облака и хрупкую мирную синеву уже не мог. Память кричала в пустых, сгоревших комнатах детским плачем, а реальность кружила над лежащими на полу трупами Рустама, Наны и маленькой Тамрико. Даже ходики на стене остановились, старые ходики с кукушкой, которые держали только ради забавы для Тамрико. Вместе с ними остановилось и время...

«Кому я теперь нужен?» – подумал дом. И когда ветер с севера запричитал, зарыдал, обнял его, он не выдержал и рухнул.

И кто дал право
жизнь оборвалась ночью
небо свидетель

* * *

Настал девятый день. Площадь в Цхинвали.

С благотворительным концертом – почтить память невинных жертв – приехал Великий осетин Гергиев: он хотел быть в этот день в родной Осетии. Пришли все: Живые – и мы, ставшие Невидимыми...

Я не знаю, что тогда случилось: утром не мог понять, почему меня не замечают, не слышат и только причитают над моим телом. Нино плакала тихо... моя Нино. На двадцать пятое августа была назначена наша свадьба. И Музыка плакала. Площадь, затаив дыхание, слушала.

Кто-то сидел, большинство стояло, но у каждого за спиной находился ставший Невидимым — родной, близкий, друг. Рядом с Нино было свободное место... Знали — это место для меня. Моя невеста — вся в чёрном — вдова...

На мгновение Гергиев замер, и показалось, что площадь вздрогнула.

Я взял Нино за руку, положил ей на ладонь кольцо. Она стала что-то говорить, беззвучно, только губами, слёзы застыли в её глазах. И на её тихий плач Музыка отозвалась своим рыданием.

А я почему-то не мог плакать — Невидимые, наверное, не плачут...

Потом стало тихо-тихо. Живые расходились, а мы — Невидимые — всё стояли и стояли... укутанные эхом Музыки прощания — и благодарные за память...

нет это не дождь
то безутешно плачут
души умерших

Возвращения

Я вернулась!

ароматы надежды
разум в опьянении
или его нет

«Я вернулась! Я верну-у-улась!» — радостно крикнула она, оказавшись во дворе дома, в котором когда-то успела пожить, правда, недолго, но всё-таки... Ей казалось, что её здесь любили и поэтому должны ждать возвращения!

Был вечер.

Окна мрачно на неё взглянули, подёрнули занавесками... и всё!

«Ну я же верну-у-улась!» — и опять молчание. Хотя несколько окон зажглось. Одно даже открылось — и оттуда вылили ведро воды...

Она вбежала в подъезд и позвонила в дверь на первом этаже. Дзиинь!.. — пропел звонок, и, на удивление, дверь сразу же открылась — наверное, кто-то наблюдал через глазок. На пороге стояла аккуратненькая старушка. Сказать она ничего не успела, только открыла рот...

— Вы меня помните? Я вернулась...

— Ну вот, и эта о том же... Да нет у меня маразма, всё я прекрасно помню. Вернулись, и хорошо, рада вас видеть... Пошли, Барсик, пошли, а то совсем уже стемнело, — и вывела на поводке здорового кота.

Она поднялась на этаж выше, позвонила в другую дверь. После долгого молчания дверь распахнулась. На пороге стоял мужик в майке и семейных трусах.

— Ну, и чё надо?

— Да... я... вот... вернулась, — растерявшись, промямлила она.

— Тогда дай стольник, я быстро обернусь, это ты правильно сделала, и чем чаще... ну это вот, тем конкретнее будет повод...

Она помчалась вверх по лестнице, остановилась... Опять позвонила. За дверью кто-то начал ворчать, или ей так показалось... Открывали долго, видимо, было много замков и засовов.

— ...и боже ж мой, она вернулась, и штобы я удивился — так нет... То она со скандалом уходит, то она с криком возвращается, а я так должен рыдать... ви мне извините...

Всё это доносилось из-за двери. Наконец дверь открылась.

— ...и ви мне ответьте, это интеллигентно? Я вам скажу: таки да, неинтеллигентно! Уже весь подъезд уже не спит, Симон из десятой звонил по телефону, спрашивал, знаю ли... А мне это надо?! Таки нет! Да вы, если соль там... или умное што послушать, то заходите, а так — я занят...

И опять лязганье засовов, звон ключей.

А выше уже был чердак...

возвращение

в дом где живут без тебя

призрак надежды

Но ОНА всё равно возвращалась...

Поначалу ОН просто поражался ЕЁ наглости: ОНА писала ЕМУ пламенные письма, не намекала, нет, открыто предлагала свою любовь, себя по частям и целиком, со вздохами и

стонами. ОН отшучивался... ОНА настаивала, ОН взрывался и напоминал, что женат и даже если... то любит женщин совсем другого плана, к примеру, таких, как его жена – строгая, стройная, интеллигентная и понимающая.

— А я не понимающая, а знающая! Я точно знаю, что со мной тебе будет хорошо, — отвечала ОНА.

«Мне и так хорошо, а зачем ещё лучше?» — думал ОН.

жужжание мух
быть может так и надо
всё веселее

И ОН стал привыкать к ежедневной злости на НЕЁ, это стало частью его настроения, да и жена была довольна: надо же ему на кого-то злиться, так лучше пусть на НЕЁ, эту беспардонную столичную штучку. И вообще, пусть лучше с компьютером грешит, чем где-то и небезопасно. А тут вдруг электронное письмо: встречай, прибываю завтра утренним поездом!

— Ну и что я с ней буду делать? — спросил он у жены.

— Вот те на... Сам её распылял, поддерживал её необузданную страсть, чмоки ловил, муси-пуси посылал, а теперь — ах-ах, что с нею делать?! Не знаю, не знаю, я на дачу прямо с утра, а ты...

И действительно, утром выпорхнула из квартиры, прыгнула в машину да ещё так язвительно побибикала, типа «ха-ха!»

Он ЕЁ встретил... было жарко — и оттого, что август выдался знойным, и вообще...

Он ничего не хотел и не понимал до конца, зачем согласился на эту встречу; поначалу —

нет, *не*зачем, но дошло до раздевания: просто ей захотелось на пляж... Он думал: ну как же, там же так много любопытных глаз, но почему-то никого не было, была только она. Она была полной... очень полной и захватывающей, совсем как полная Камасутра.

— Да какое мне дело, какая она?

Но она так отличалась от жены, от других женщин, которыми он всегда любовался, что взгляд не только изучал, но и пробовал.

А ещё... Это действительно было странно — она источала какой-то цветочный аромат... Маргариток? Точно, она пахла маргаритками, которые жена привозила с дачи. И он не захотел сопротивляться, решив для себя: пусть это будет сон, ведь сны приходят без разрешения.

...Даже когда провожал, всё ещё не понимал, что же произошло, да и произошло ли...

Вечером жена прямо с порога повела носом — он вздрогнул...

— И чего приезжала? Жарко было?

И больше ни одного вопроса, она же понимающая и интеллигентная... и верит...

Он, расстегнув воротник и потупив взгляд: не то слово, а приезжала ко мне.

и хотим забыть
да уголёк памяти
прожигает дни

Её письма стали ещё более откровенными и уже совершенно обнажёнными. Он рассердился и поставил точку: всё кончено! При этом слукавил, потому как не знал, можно ли закончить даже не начатое! Ведь «хорошо», как она обещала, так и не было. Было плохо, потому что

хотелось, страшно хотелось вновь окунуться в необъятное облако с маргаритковым запахом.

Она исчезла... Три дня он ликовал! Свобода! Безоблачное небо! Жена!

На четвертый стал ворчать на жену и впал в депрессию.

...И так происходило периодически...

Он понял, что теперь с этим придётся жить всю жизнь – ну, живут же с диабетом, геморроем, аллергией, шизофренией... Да и вести себя можно соответственно, ведь она всё равно возвращается!

возвращение
комедия ошибок
с новым составом

Я давно уже верю в чудеса...

ХАЙБУН

«До»

В открытую дверь балкона влетел белый голубь. Спокойно опустился на подоконник. Замер или высказывал таким образом непонимание случившегося. Я смотрела на это белоснежное чудо с восторгом и с нескрываемым удивлением. Голубь был необычным: огромный хвост веером, белый-белый (я даже зажмурилась, подумав, что это видение), черные глазки-бусинки смотрели на меня без малейшего страха. Мне так захотелось к нему прикоснуться. И... он дал себя погладить. Казалось, я дотронулась до самой нежности, сердце переполнилось таким восторгом... Вырвалось легким дыханием:

— Белый мой!

Он вспорхнул и улетел...

Несколько ночей подряд мне снилось, как я примеряю белые туфли. Я улыбалась своим сновидениям: зачем это мне, замужней женщине?

белые туфли —
сон к перемене жизни
не жду перемен

Это я не ждала перемен, а они явно меня поджидали, чтобы закружить в своем вихре перемен.

Неожиданно в моей жизни появился принц на белом коне. Сейчас я даже не помню, как происходил мой развод с мужем: я когда-то запретила себе об этом помнить.

Но я помню, как снова вышла замуж.

Жизнь разделилась на «до» и «после».

Венеция. Площадь Сан-Марко. Утро

Я и он всегда с видео- и фотокамерой, снимающей каждый мой шаг, улыбку, взгляд и вздох. Да, еще очень много голубей, так много, что площадь напоминает утренне нежащуюся под живым кружевным покрывалом красавицу.

Я в белом полупрозрачном платье. Голые плечи прикрывает белый широкий шарф — охраняет и от обжигającego солнца, и от страстных взглядов венецианских мужчин.

Вхожу в живую кружевную пену. Глажу шепотом шагов голубиную нежность.

Раскинув руки и глядя в звенящую синеву неба — кружусь...

Голуби взлетают, обняв меня на прощанье теплом перинного прикосновенья.

А я кружусь и кружусь.....

А он снимает....

стая голубей
возьми меня с собою
любовь крылата

Кружилась я и в шелесте золотых листьев, и в рыданье проливных дождей, и в брызгах сказочных снежинок... на площади Сан-Марко. А он снимал...

Позже я смотрела снятые им фильмы обо мне, о нашей Венеции.

Наверное, он меня очень любил: фильмы были красивыми, и я в них была очень счастливой. Помню, как...

Он просыпался среди ночи встревоженный, испуганный: а вдруг я ушла? Или прислушивался к моему дыханию... Почему-то он боялся, что я могу вот так умереть.

Я умерла через четырнадцать лет... для него...

«После»

...Ясновидящая Клара долго смотрела на меня, на мою фотографию, на мои руки...

В прошлом тебя нет. Твоего прошлого я не вижу...

А вот...

Говорю, что будет...

Это Венеция — так мне видится...

Большая площадь, вокруг будто сделанные из сахара арочные дворцы.

Вы кружитесь, танцуете посреди площади...

Вижу, как вы сидите в кафе. Молчите, но говорят ваши глаза... нет, твои говорят — его поют. Он читает стихи в твоих глазах, ты слышишь мелодию его сердца. Жгучий брюнет... с проседью, конечно...

(...и я ловлю себя на мысли, что скучаю давно уже по Венеции...)

Теперь я знаю, какой он, герой моего будущего, как выглядит и что, возможно, со мной произойдет, — Клара рассказала.

я верю в судьбу
и ее благосклонность
пошли мне знаки
и расставь ноты мои
в его сонетах любви

16.09.05

Подсмотреть ожидание

ХАЙБУН

Где-то зима заплутала. Подразнила первым снежком, пощекотала легким морозцем, вырядила всех в тёплые одежды, наобещала чистоты, белизны, а сама так и не явилась...

Декабрь на исходе. Скоро Рождество!!!

И вдруг захотелось заблудиться, не вернуться... Но только... чтобы ждали: тёплыми светящимися окнами, приоткрытыми дверьми, тревогой от каждого телефонного звонка, вопрошительным взглядом на почтовый ящик. Просыпаясь утром, произносили моё имя, на завтрак заваривали ароматный любимый чай. А я бы всё это непременно слышала, видела, чувствовала и...

надеялась бы когда-нибудь вернуться.

если бы смогла
подсмотреть ожиданье
тихо исчезнув

Осталась на губах

ХАЙБУН

Солнечным лучиком ворвалась в утро. Коснулась твоих ресниц, скользнула по щеке. Осталась на губах...

Ты улыбнулся.

Уколола грудь... погладила сон... и зазвенела...

Ты проснулся.

Подмигнула из чашечки с кофе... ароматно вздохнула вместе с тобой...

Ты помнишь?

Ветерком обняла тебя... Ты сказал: «Как радостно!.. Кто-то стучится в моё сердце».

Яблоневым лепестком поцеловала твои глаза... а потом стала твоим небом...

Ты помнишь?

Просто я очень спешила сказать тебе первой: «Милый, я тебя поздравляю!»

Наверное, первой это сказала всё-таки не я... но я раньше коснулась твоего сердца!

Ты помнишь?

А если нет, значит, я ошиблась и это не твой день рождения ...

лепестки шепчут
навсегда улетаем
только ты не верь

Значит ещё не пора

ХАЙБУН

...и вдруг показалось, что я уже всё сказала себе... ему... слушающему меня миру...

а может, уже пора... но...

...промолчала ещё не обо всем, не на все добрые взгляды ответила улыбкой, не во всех письмах оставила надежду и, что самое главное, не всех простила и не у всех получила прощение и...

...решила: с сегодняшнего дня, с этой секунды, не спешить, прислушаться, остановить взгляд на жизни, которая вместе со мной всегда просыпалась утром, но потом почему-то или шла параллельно, или бежала впереди, или плелась где-то там позади...

...вдохнула просыпающегося рассвета

и слышала
звон колоколов души
значит не пора

Виртуальная ревность

ХАЙБУН

Ревную? Да боже упаси! — Ужасно ревную!!!

Вы же знакомы только виртуально?

Отвечаю: «Люблю до беспамятства, терзаюсь в сомнениях: помнишь или нет, один или с кем-то, «кем-то» — красивая или так себе, умная или блондинка и... и... и... то понятно, почему ревную ужасно!»

ревность — змеєю
вокруг шеи и душит
я душу — ее

Виртуальная жизнь, скажете вы, — болезнь XXI века, и надо срочно что-то предпринимать.

Что? А что взамен? Одиночество, искусанные губы, разговоры с собственным котом, а иногда и с забегающими, ужин перед зеркалом, чтобы было с кем чокнуться бокалом бургундского (говорят, хорошо перед сном для здорового кровообращения, цвета лица, повышенной сексуальности и... и... и...) и хроническое состояние ожидания?

Значит, пока лекарства не придумали, остаётся болеть!

грустно сознавать
не люблю — не ревную
а так хочется

Только солнце и ромашки

ХАЙБУН

Первыми я запомнила ромашки. Я была чуть выше их, и они смотрели на меня снизу своими улыбчивыми солнышками и моргали лепестками. А те, кто смотрел на меня сверху, были какими-то угрюмыми.

И я боялась прикоснуться к этим солнышкам, а когда...

Но не обожглась, они были мягкими и что-то нашёптывали. И я поклялась: навсегда, на всю жизнь — друзья.

улыбки солнца
забывшие дорогу
подброшу в небо

Держала в руках охапку полевых ромашек. Так захотела...

Сказала, что без ромашек и замуж не пойду. Платье было льняное, белое. На голове веноч из ромашек. Говорили, что красиво... Говорила, что счастливая...

И мне хотелось делиться счастьем...

вы ждёте счастья
букет невесты брошен
судьбу ловите

В завещании так и было написано: «Никакого траура, слёз, только солнце и ромашки».

Просто в её долгой жизни было так много этих слёз, что она мечтала когда-нибудь расстаться с ними навсегда. Все принесли ромашки, говорить пытались только о надеждах...

И когда ромашковое покрывало коснулось её тела, а взгляды тихого прощания стали влажными, одна большая ромашка вдруг заморгала лепестками, улыбнулась и медленно поплыла вверх.

делиться счастьем
даже со своей душой
смотри на небо

Записки не сумасшедшей, а...
Или всё таки...

ХАЙБУН

1.

Он всегда приходил под утро...

Я ещё спала, но уже начинала чувствовать пробивающееся сквозь занавески дрожание света. Знала, вернее предугадывала, приближение дневного тепла...

И я не сердилась и не спрашивала, где он был всю ночь... Я его ждала.

И... начиналась сказка.

Каждый раз ты придумывал новые ощущения, называя их путешествиями: мы летали в грозовом небе, прыгали с обрыва, прижавшись сердцами, целовались в садах, наполненных ароматами мейхуа, бродили по песчаному берегу Северного моря... ветер в лицо... слов не слышно... только наши влюблённые глаза...

ощущения
гербарием в памяти
но ароматны

Это было весной...

Улочки благоухали магнолиями и вистериями, а мы сидели в маленьком уютном кафе — парижском, амстердамском... или, может быть...

Да, это было в Вене. Кофе по-венски — такой ароматный и крепкий, шоколад «Моцарт» — сладкий, даже слишком (я не очень люблю сладкое). Ты крепко сжимал мою руку. Долго на меня смотрел... прикасался... гладил взглядом и...

Сказал: «Всё это ненастоящее...»

Я попробовала выдернуть руку из твоих ладоней, но ты не отпускал, сжимал всё сильнее, обручальное кольцо стало душить.

...так продолжаться не может и не должно...

Ты заказал лесную землянику, и она показалась мне совсем безвкусной...

Вальс Штрауса, наигрываемый тапером, звучал ужасно фальшиво. Обои на стенах были выцветшими и старомодными... Почему я этого не заметила сразу?

И... за окнами была осень.

* * *

Врач выписал рецепт, это было уже другое лекарство — Oxodezepam.

Хорошее лекарство, правда. Сплю до утра...

Он уже давно не приходил...

А я жду...

в ожидании
но сны приходят сами
без приглашенья

Ты опять соскучился по теплу моих рук...

2

И я ждала...

Иногда мне казалось, что ты меня зовёшь. И тогда....

я судорожно начинала собирать дорожную сумку. Заказывала время в салон красоты. Опустошала бутики. Знакомилась с путеводителем по Тибету: мы так давно мечтали вместе поехать в Тибет. Потом говорила себе: стоп, при чем тут твоя красота, бутики и... Тибет? Бежала в эксклюзивные магазины и скупала всё для путешествия... Там спрашивали, куда я отправляюсь, говорила, что, может быть, мы едем в Тибет...

А потом я стала ждать твоего письма... И почти, когда уже, не....

Оно пришло... И я не сомневалась: от тебя...

Конверт-конвертик был странным... но разглядывать было некогда...

дрожащей рукой
к придуманному во сне
как обжигает

Открыла — оказался пустым... не совсем пустым... там лежал маленький кленовый листик. Он мне напомнил лапку синички — только листик был ярко-красным и говорящим, он вдруг прошептал (я услышала твой голос):

— Ты всегда будешь меня помнить...

Ну не выдумщик ли!? Решил меня удивить...

Конечно, я тебя помню, никогда не забывала, ждала и жду...

Помню, как прошлая осень ворвалась в нашу любовь: закужила разум, расцветила надежды. Ты не давал собирать в саду опавшую листву, говорил, что это золото неба, тепло солн-

ца, любовь... и всё это должно перейти в землю, чтобы в следующем году...

Красный кленовый листик — да, конечно, ты опять соскучился по теплу моих рук, по моему взгляду...

Последующие три дня я вспоминала нашу прошлую осень...

* * *

Солнечный луч блуждал в оставшихся с ночи капельках дождя. Ветки берёзы радостно звенели. Наблюдать за этой игрой из окна было забавно. Да ещё мелькание цветных портфельчиков идущих в школу маленьких девочек. Они остановились у почтовых ящиков, одна, смешная такая, вытащила из портфеля пачку уже знакомых мне странных конвертиков. Мне казалось, я слышу их смех. Одна, самая веселая, стала раскладывать конвертики по ящикам...

Я отошла от окна... Лежавший на столе кленовый листик пожух и сморщился...

упали в сердце
из осени надежды
завяли скоро

О любви

ХАЙКУ

женщина любит
слова ласкающие
не только тело

язык нежности
тревожит и сон и явь
дрожит тишина

я рядом — чувствуй!
ты рядом — бьюсь как птица
в твоих ладонях

Об уходящем...

ХАЙКУ

шелест лепестков
что-то сокровенное
об уходящем

ожидание
всегда цвета сумерек
рисунки грусти

прощальный танец
на белые одежды
меняю алость

Осень — сколько же полутонов...

ХАЙКУ

творец рисует
воздух ароматами
осенней туши

осенняя грусть
сколько же полутонов
ложится на день

мост между нами
я не спешу уходить
спешу вернуться

Послевкусие

ХАЙКУ

сентябрьский ветер
прощанье и надежда
всегда с тобою

октябрьский окрик
вина веселье в танце
круженье мыслей

ноябрьский иней
касаюсь желтой дыни
душе теплее

вереск продают
розы в саду всё цветут
видно не знают...

декабрьский холод
в руках так быстро тает
мороженое

Что-то грустно...

ХАЙКУ

рассмотреть хочу
жизнь дна сквозь толщу воды
и... вижу себя

меняю очки
всё больше грязи жизни
очки снимаю

весёлый ворон
отчаянно горланит
тишина будней

Мечты о счастье...

ХАЙКУ

зеркало в бисер
ах кто бы знал горячесть
этих хладных звёзд

Слышу сердца крик
блуждающего в ночи
не одинока

Тянуться к теплу
сквозь стужу огорчений
мечты о счастье

Тёплый дождь третьим ...

ХАЙКУ

двое с любовью
барышня и хулиган
тёплый дождь третьим

смелые капли
упали за шиворот
без разрешенья

Нежности вечность...

ХАЙКУ

нежности вечность
не бесконечна вовсе
ветер проводит

нежность тоскует
напоминание снов
вместе прожитых

Душе не до полётов...

ХАЙКУ

окаменела
душе не до полётов
а вдруг оживу

тоненькая ветвь
а солнце заслонила
мои печали

Первый снег

ХАЙКУ

тёплые следы
в душе покрытой снегом
конец? — начало?

кто-то родился
светом первого снега
запеленаю

ничто не вечно
и даже солнца тепло
уходящее

Звук

ХАЙКУ

аллегро неба
звонящие снежинки
танцуют с ветром

весёлым соло
синичье пиу-иу
о чём-то личном

касаюсь звуков
открытыми глазами
морщинки тают

Восточный сон

ТАНКА*

Всё то же снится:
ароматом лепестков
фата летает,
и опьяненье счастьем
всё длится... длится... длится...

Всё те же будни:
раздраженьем суеты
заполнен полдень,
вот только сердце шепчет,
плачет: «Где ты, где же ты???»

Да и надежда,
чёрный повязав платок,
не смотрит в небо,
со вздохом вспоминает:
«Вот прежде!!!! Прежде! Прежде...»

*Танка («короткая песня») — лирическое стихотворение, состоящее из 31 слога с чередованием пятисложных и семисложных метрических единиц (5–7–5–7–7).

Летняя осень...

ТАНКА

запрыгнуть в осень
раскачаться на листе
оранжевых слов
полюбить чтобы потом
знать отчего разлюбил

Фата к лицу надежде

ТАНКА

улыбкой нежность
ароматы мейхуа
в снежинках тонут
сны осени забыты
фата к лицу надежде

Предвкушения

ХАЙКУ

аромат чая
третьим в нашей беседе
какой говорун

люстра с фужером
ласковый звон хрусталя
флирт одиночеств

звон откровений
тоскующей рюмочки
опьянение

только б коснулась
губы задумчивой дамы
пунш соблазняет

Пелена грусти

ХАЙКУ

пелена грусти
сердце в белом саване
но ещё стучит

белые ночи
земля и небо в снегу
не просыпаюсь

закрыты глаза
столько светлых ангелов
зачем открывать

Вспомнишь

ХАЙКУ

вспомнишь — приснись мне
запоешь — подари стон
много не прошу

старое тепло
согреть сердца не сможет
лишь обещает

Разлука...

ХАЙКУ

не слышу тебя
ветер плохой почтальон
голос рассыпал

не вижу тебя
небо в седых облаках
луч потеряло

забыл обо мне
даже во сне моя дрожь
холода руки

Увядание...

ХАЙКУ

ветер надломил
ветвь цветущей мейхуа
глаза слезятся

плачут лепестки
аромат на землю пал
увядание

Стихи

* * *

Я рисую дождь...
Он похож
на мою мечту.
Такой же теплый...
Помню ту
капельку жаркую —
твой поцелуй...
Вот рисую...
а ты целуй... целуй!!!

*А счастье мыши растащили
по углам*

А счастье
мыши
растащили по углам,
оставив на полу
следы от серпантина...
И только еле слышно
тут и там
биенье пульса
проклятой надежды,
одетой в серое презренье.
Да тени слёз
намокшей паутиной
скользят из прошлого
и тянутся
неслышимым мгновеньем
чего-то бывшего...
и светлого... хорошего...

Шоколаде

Приучаю лёгкое платье
держаться достойно на теле,
не просвечивать насквозь,
обнимать пуговку петелькой,
быть корректным —
не флиртовать и
не танцевать с ветром.
И разве это так трудно —
слиться в одном движении,
а не идти врозь,
вне притяжения!

Уговариваю ту-фель-ки
не спешить, шагать уверенно,
не мелькать перед глазами,
как слепые мотыльки.
Вам ведь ноги мои доверены,
а вы
всё норовите ступать
в неизведанное, сами...

Шарфик,
ты, почему веселишься,
заигрываешь
с солнечными лучами,
деля миг
с ветками деревьев?
Дирижируешь майскими
голосами,
и кричишь: «Верю, верю,
всем верю!»?

Как хочется быть серьёзной!
Шарфик, туфельки, платье
выбрала кофейного цвета
под цвет своих глаз,
чтобы смотрели на нас
и думали: эта
весна иная,
ею правит шоколадье .

И вот сколько курьёзов...

Осталось руки развести...

Осталось руки развести –
а развела тоску
и в пляс безудержный пустилась.
И за-кру-жилась
вальсом слов,
забот – настойчивых послов
прочь
прогнала.
Плясала утро, день
и ночь.
Ворчал настойчиво сверчок:
«Опомнись и угомонись,
ты этим не раскрасишь жизнь...»

И вдруг сломался каблучок...

Тону

Тону в пучине чувств.
Руки к небу тяну.
Кричу...
А ты не слышишь
или не хочешь спасти.

Всё думаешь: прихоть и
выдумки.
Шепчешь: тише, тише,
не мешай слушать
пенье иволги.

По черте разделяющей

Черно-белое...
Несмелою походкой
по черте разделяющей.
Где ж вы, ангелы,
где вы, черти ?
Только ветер,
толкающий
то в жизнь, то в смерть,
надорванной глоткой
кричащий:
куда же ты в чёрное, Белая?!
А я – вот ведь
какая дерзкая —
сопротивляюсь:
грешу, каюсь —
не как все, а на свой лад.
Иду, упорно иду
по черте разделяющей...
Знать бы, в рай или ад....

Что-то помешало

Зима могла быть белой,
весёлой, разудалой,
но что-то помешало
и с чем-то не совпало...
Метели не проснулись,
а я ждала метель,
и жениха, и свадьбу,
и шепоточков сватьи...
Капель
стучит по крыше,
по январю, по грусти.
Всё пусто, молчаливо,
не слышно даже пульса
тревог, капризов года...
Искусно правит кто-то
судьбой и непогодой
в угоду бездорожью,
земному беспределу,
беззвёздности, несчастью
то шёпотом – несмело,
то зло – надменно-вяло.
Зима могла быть белой,
но что-то помешало.

Серое одиночество

Серое одиночество...
Не
становится цветным,
но так хочется...
А вдруг изменится жизнь:
закружит, замелькает днями,
только и успеешь крикнуть:
держишь!
(Для чего краски храним?)
А если
разрисовать пустоту,
разбрызгать радугу
по кругу — день — ночь — день —
и обязательно расцветить тень...
Потому что зачем она нам,
чёрно-серая, немая
нашим надеждам, словам,
одиночеству...

Любить — это...

Любить — это жить
в каждой секунде его нежности,
в каждой минуте его страсти!
И до старости
не знать о неверности...
И до глупости
страдать синеглазостью!
Любить — это забыть
наставления мудрости,
простить зиму среди лета,
перестать ждать ответа
на вопросы
разрывающегося сердца...
По утрам одной
собирать травы росные,
одной смотреться
в зеркала зорь...
Но верить, что всё переменчиво:
хворь излечима,
одиночество не бесконечно,
а ты, милый, —
моя боль,
уходящая боль...

He...

...не смотрела в глаза,
утонуть боялась.
Осень смеялась: «Трусиха!»
Ворчала (или казалось)
воробьиха:
«Вот глупая, боится
взгляда-омута».
А я без всякого повода
краснела, чувствуя ЕГО дыхание,
обжигалась ЕГО теплом
но...
не спасалась... думала,
всё это осень, её испытание:
на ливень красок-слов,
на крик условностей,
на соблазны Юмала (Jumala)*.
Боялась заслушаться ветра —
вдруг пропущу ЕГО сердца зов.
А сердце молчало,
только задыхаясь, горело...
но это его дело...

*Jumala (фин) — Бог.

* * *

...не предавала.
Да, играла на нервах,
не отвечала на нежность,
прикосновений первых боялась,
меняла внешность,
терялась в толпе,
чтоб не нашёл
и в суете улиц,
звонков телефонных
забыл обо мне... а ещё
любила ... всегда
наше прошлое —
наше, без посторонних.
Я умирала, рождалась,
ждала... Паруса алые...
и не предавала.

* * *

Не вернулась...
заблудилась в надеждах девичьих,
задержалась на полуслове,
слава Богу, не оступилась,
но столько
боли выпила,
грехов ничьих
столько отмолила...
поседела,
умереть успела много раз...
за чужих, за родных...
говорили: «Потерпи,
этот театр лжи — на час...»
А он играет всю жизнь.
Оживала ...
и жила в алом от счастья
закате и в белом
чистом рассвете
пела грустные песни,
наивно верила,
как дети верят,
в сказки
с чудесным
волшебником и феей.
Ты звал, а я боялась
опять запутаться в дрязгах
быта, испачкаться плесенью
воспоминаний,
превратиться в сутулость...

Вот и не вернулась.

Знать бы...

Знать бы... Подстелила,
или пошла другой тропой,
или ... собрала бы силы,
пусть по капельке,
по вздоху, по нотке,
и не упала бы...
В бой
с предсказанной судьбой
не бросилась.
А так...
словами — святой водой —
всё утешаю себя,
идти пытаюсь
лёгкой походкой,
чтобы не жалели —
злыми осами
не кружили вокруг доверчивости.
Спотыкаюсь опять,
повторяю «Отче наш иже еси..»,
вдруг услышит...
Повернёт время вспять ...
Знать бы...

Я верю

Я верю, грусть отступит,
любовь заступница
весенней смутой
закружит, увлечет...
подумается:
черт
опять попутал

пусть путает
день с ночью,
смех — со звёздным небом
и с ветром — страсть
во сне или воочию
увидеть наше счастье
и в него упасть
и раствориться
в безумии надежд
присниться Богу,
пусть благословит,
даст сил взлететь
и серый быт
подснежником цвести ...
Весна, хочу скорей
запутаться в твоей сети!!!

Содержание

Предисловие	3
-------------------	---

Тропы судьбы

Лицо голода	7
Уля	
Детское прощай	20
Горькое счастье	22
Сон на двоих	23
Хотим на Колыму	26
Долгая дорога	32
Порт Находка	36
Страсти по-японски	39
Бедные родственницы	47
8 марта в Сеймчане	49
Ибрагим – божий человек	51
Мой любимый – летчик	56
Эпилог	61

Ах, как это не смешно...

С четверга на пятницу	65
И шо он у нас... ..	79
Пижон	82
А брюнетки лучше!	87

Приходите завтра	90
Фрачок для гения	99
Кака на «Версаче»	102
Какие же они замечательные... ..	106
De Naap	
Следы	112
1. Следы первые	113
2. Следы вторые	113
3. Следы третьи	114
4. Следы четвертые	114
5. Следы пятые	115
Их день	116
Доброе утро!	123

Мой северный Восток

Цхинвальские зарисовки	129
Возвращения	132
Я давно уже верю в чудеса... ..	137
Подсмотреть ожидание	140
Осталась на губах	141
Значит ещё не пора	142
Виртуальная ревность	143
Только солнце и ромашки	144
Записки не сумасшедшей	146
О любви	150
Об уходящем... ..	150
Осень — сколько же полутонов... ..	151
Послевкусие	151
Что-то грустно... ..	152
Мечты о счастье... ..	152
Тёплый дождь третьим	153
Нежности вечность... ..	153
Душе не до полётов... ..	153
Первый снег	154
Звуки	154
Восточный сон	155

Летняя осень.....	156
Фата к лицу надежде	156
Предвкушения	156
Пелена грусти	157
Вспомнишь	157
Разлука... ..	158
Увядание.....	158

Стихи

«Я рисую дождь...»	160
А счастье мыши растащили по углам	161
Шоколадье	162
Осталось руки развести... ..	163
Тону	164
По черте разделяющей	164
Что-то помешало	165
Серое одиночество	166
Любить — это... ..	167
Не... ..	168
Знать бы... ..	171
Я верю	172

Елена Лапина-Балк
Тропы судьбы
Рассказы и стихи

Информационный спонсор
«Всемирный клуб петербуржцев».

Всемирный клуб петербуржцев объединяет людей, осознающих духовную силу и нравственное значение культуры Санкт-Петербурга и заботящихся о судьбе своего великого города. Важной миссией Клуба является связь с петербуржцами, живущими вдали от невских берегов.

Обложка – О.В. Маркина
Редактор-корректор – Т.В. Рыжкова
Верстка – Т.В. Громова

Сдано в набор 29.11.2010
Подписано в печать 11.01.2011 г.
Формат 84^х90^{1/32} Гарнитура «PeterburgC».
Печать офсетная. Усл. печ.л.6
Тираж 1000 экз. Заказ № 0000

«Издательство Союза писателей Санкт-Петербурга»
Тел. (812)404-63-10, (812)404-63-09
souzypisateley@mail.ru

Отпечатано по технологии СтР
в ОАО «Печатный двор» им. А.М. Горького
197110, Чкаловский пр., 15